

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 (46) — 2008

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»
Общероссийское общественное движение женщин России

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (Ивановский государственный университет; *сопредседатель редакционной коллегии, главный редактор*), **Е. Ф. Лахова** (Общероссийское общественное движение женщин России; *сопредседатель редакционной коллегии*), **С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва), **В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет),
А. И. Евстратова (Костромской государственный технологический университет),
Т. Б. Рябова (Ивановский государственный университет), **З. М. Саралиева** (Нижегородский государственный университет), **А. В. Смирнова** (Ивановский государственный университет),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Канадского фонда «Гражданское общество»*

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: anyasmir@yandex.ru
Наш адрес в Internet: www.gender.ivanovo.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в Каталоге российской прессы «Почта России» 78462

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 1 (46) — 2008

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University
Women's Movement of Russia

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on
Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004

Editorial Board:

O. A. Khazbulatova (Editor-in-chief, co-chair of editorial board, Ivanovo State University),
E. F. Lakhova (Women's Movement of Russia, co-chair of editorial board, Moscow),
S. G. Aivazova (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
V. N. Egorov (Ivanovo State University), **A. I. Evstratova** (Kostroma State University of Technologies),
T. B. Ryabova (Ivanovo State University), **Z. M. Saralieva** (Nizhniy Novgorod State University),
A. V. Smirnova (Ivanovo State University), **N. A. Shvedova** (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences)

*Edition is realized with financial support
of the Canadian Civil Society*

Editorial Office Address:
153025 Ivanovo, ul. Ermaka, 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79
E-mail: anyasmir@yandex.ru
Internet page: www.gender.ivanovo.ru

The issues may be sent by the preliminary request

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 (46) — 2008

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О В. Боронина, О. А. Кручинина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 24.03.2008 г. Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,4. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 35-63-81. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»)
153002 Иваново, пр. Ленина, 47

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

А. Лулева

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРА В БОЛГАРСКОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ: ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

Классификация половых ролей и обусловленных полом различий затрагивает самые фундаментальные уровни культурного самосознания общества.

Ю. Хабермас

При отсутствии критической рефлексии на социалистическое прошлое в современном болгарском обществе слишком легко, почти автоматически воспроизводятся представления, уже давно устоявшиеся в общественном сознании. Одним из них является убеждение, что женский вопрос был решен еще во времена социализма. Поскольку это был вопрос равноправия женщин, то они его уже «получили», даже «более того» (это была одна из бед, сотворенных социализмом), и при наличии серьезных вопросов, стоящих сегодня на повестке дня, постановка женского вопроса по меньшей мере неуместна. Если судить по данным болгарских средств массовой информации, станет очевидным общий настрой на отсутствие необходимости проблематизирования отношений между полами и укрепление отношения к женщинам, стоящего в рамках «заботы государства о них», «выделения пособий» и т. д. Подобные тенденции не обещают ничего, кроме воспроизведения иерархий и неравноположенности полов, а для некоторых и ностальгии по социалистическому прошлому.

В любой культуре, как известно, пол является социальным конструктом. В условиях государственного социализма его конструирование основывается на провозглашенной в качестве единственно научной марксистско-ленинской идеологии и представляет собой часть утопического проекта социалистической модернизации, в которой роли полов подчинены большой цели — строительству нового общества и нового человека.

Социальное конструирование полов в социалистической Болгарии — точка пересечения взаимодействия партийно-государственной власти (с ее моделью нового общества) и самого общества, которое в 40-е гг. прошлого века на-

ходило в состоянии модернизации (оно дифференцировано, с существующим разделением частной и общественной сфер и т. д.). Эти две стороны социального взаимодействия представлены в двух основных группах источников, на которые я опираюсь в настоящей статье: партийно-государственные документы (партийные решения, превращаемые в законы и другие нормативные акты и «воплощаемые в дела» — мероприятия), связанный с ними научный дискурс и, с другой стороны, биографические истории мужчин и женщин, представляющие собой взгляд изнутри социалистической реальности и содержащие толкования, комментарии, интерпретации, в которых они делятся своим жизненным опытом и осознанием повседневности. Эти истории дают возможность рассмотреть женский вопрос по двум основным направлениям, которые тесно связаны между собой: первое представляет женщин в качестве объектов политического воздействия и наиболее общего социального конструирования, второе раскрывает их как субъектов, принимающих формирующее воздействие или сопротивляющихся ему, различным образом и в различной степени воспринявших официально навязываемые представления о них самих.

Анализируя это взаимодействие, мы могли бы получить ответы на следующие вопросы: какую идентичность женщин конструирует социалистический проект (в идеологии и реальности); как реализовались *свобода и равенство полов* в условиях государственного социализма; был ли успешным для партийно-государственной власти опыт вхождения, контроля и подчинения частной жизни людей целям коллективизма. Или, другими словами, увидеть некоторые из гендерных проекций социалистической модернизации общества.

1. Предыстория вопроса

Проблема равноправия и положения женщин вообще в болгарском обществе была одним из элементов его модернизации, начавшейся задолго до социалистической революции. Еще после освобождения Болгарии от османского владычества (1878 г.) стало очевидным, что женское движение не будет ограничиваться рамками появившихся в эпоху болгарского Возрождения девичьего образования и женской просветительно-благотворительной деятельности¹. Модернизационный толчок в только что освобожденном болгарском обществе был сильным, и одним из его проявлений было осознание женщинами себя как активных публичных субъектов. Возникают женские издания (до 1944 г. выходит в свет более 20 газет и журналов), на страницах которых критикуются законы, дискриминирующие женщин (о наследстве, об адвокатуре, о высшем образовании и т. п.), переводятся материалы, популяризирующие идеи равенства полов. В 1901 г. был учрежден Болгарский женский союз (БЖС). Сразу же после его создания определились различия в воззрениях его активисток на сущность союза и средства достижения цели женского движения — эмансипации женщин. Социалистки, считавшие женский вопрос (по их мнению, он включал в себя взгляды на женский труд и связанные с ним гражданские и политические права) неотделимой частью классовой борьбы, сформиро-

¹ Паскалева В. Българката през Възраждането. София, 1984; Чолакова М. Българското женско движение през Възраждането. София, 1995.

вали пролетарское, социал-демократическое крыло, которое впоследствии осуществляло свою деятельность в тесной зависимости от позиции партии узких социалистов. Феминистское крыло (названное социалистками буржуазным) стремилось к уравниванию прав женщин и мужчин в обществе и, в отличие от предыдущих, акцентировавших внимание на коллективистском духе и солидарности, защищало либеральные ценности и стремилось развивать у женщин дух индивидуализма². Различия еще более углубились, когда на III конгрессе БЖС большинство делегатов отказались признать классовый характер организации, после чего социалистки во главе с В. Благоевой демонстративно покинули его.

На страницах социалистической печати и в редактируемом В. Благоевой журнале «Женский труд» в последующие годы ведется яростная борьба с феминистками, которые, по мнению социалисток, не хотели полного освобождения женщины, сглаживали классовые противоречия, боролись за чуждый пролетариату мир, и, следовательно, отношение к ним могло быть только антагонистичным. До 1944 г. выходит и официоз БЖС — журнал, а позднее газета «Женский голос». Он работал для созидания «гражданского и политического равноправия женщины», согласно его главной цели — «умственного и нравственного возвышения женщины и улучшения ее положения в любом отношении»³. Равные права на труд, на образование, политические права, право на свободный выбор профессии были постоянно обсуждаемыми темами и мотивированно защищаемыми требованиями со стороны феминисток. Согласно точным наблюдениям К. Даскаловой, критика феминизма в первой половине XX в. велась с различных точек зрения. В соответствии со взглядами приверженцев традиционализма, а позднее и фашизма, видевших в лице феминисток опасность для данного Богом патриархального порядка в обществе и семье, естественное предназначение женщины состояло в материнстве и заботах о доме. Их обвинения феминисток в том, что те хотят разрушить семью, были лишены основания, поскольку болгарские, как и европейские, феминистки в то время возводят в культ материнство и семью, но, несмотря на это, вносили свою лепту в создание негативного образа «равноправок» в обществе. С другой стороны, их критикуют социалистки, которые, принимая декларацию Ф. Энгельса, А. Бебеля и Л. Браун, занимали позицию, согласно которой женский вопрос будет решен социалистической революцией, с чьей победой женщины превратятся в равных мужчинам партнеров, и потому классовая солидарность и революция должны стоять выше женской солидарности и специфических интересов. Нужно отметить и то обстоятельство, что теоретики социализма полностью не отрицали традиционные роли в семье⁴. Необходи-

² Даскалова К. Феминизъм и равноправие в българския XX век / Под ред. Р. Мухарка. София, 1999. С. 80—97.

³ Божилова-Патева Д. Женското движение в България и Българският женски съюз // Демократически преглед. 5 (1907).

⁴ Лили Браун, например, чья книга «Женский вопрос» была переведена на болгарский в 1903 г., видела будущее женщины наиболее удачно выраженным в лозунге «Работа и ребенок». Подробнее об этом см.: Даскалова К. Указ. соч. С. 94.

мо указать, что в годы, предшествовавшие 1944 г., социалистки отказываются от поддержки женских требований и отрицают все другие виды деятельности в защиту женщин во имя пролетарского единства, классовой борьбы и победы социалистической революции.

2. Свобода и равенство

На этой позиции активистки социалистического женского движения остаются и после 9 сентября 1944 г. БЖС был распущен вместе с буржуазными партиями, и в дальнейшем единственной организацией женщин становится учрежденный социалистками в июле 1945 г. Болгарский народный женский союз (БНЖС). На него Коммунистическая партия возлагала задачу *«помощи в политическом просвещении и повышении культурного уровня трудящихся женщин, поскольку с помощью женщин сможет упрочиться историческое дело 9 IX»*⁵.

Следуя примеру Ленина и русских коммунистов, БКП стремится мобилизовать силы всех эксплуатируемых и притесненных для завоевания политической власти. Наряду с пролетариями и самыми неимущими крестьянами партия ищет такого союзника и в лице женщин (*«нужны способные и преданные народной республике женские кадры во всех областях государственного, общественно-политического и культурного строительства»*⁶), а БНЖС отводится роль «организатора и воспитателя», проводника задач партии в среде болгарских женщин. *«Социалистический переворот будет невозможен, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия»*, — был убежден Ленин в 1918 г.⁷ Г. Димитров напишет в своем приветствии Первому Конгрессу БНСЖ слова, которые затем будут произносить как заклинание: *«Женщины — огромная сила»*. В среде БНЖС не было места инакомыслию. Как замечал Димитров, союз должен *«зорко охранять и постоянно укреплять свое патриотическое единство и беспощадно бичевать все опыты раскола в своей среде»*⁸. Во время кампаний по проведению референдума за провозглашение республики и выборов в Великое народное собрание вождь призывал включить в работу женщин: *«Они по своей природе агитаторы и пропагандисты <...> даже самые слабые <...> в своей семье, у своих соседей, в родном краю, на предприятиях <...> везде пусть будут агитаторами в соответствии со своими силами и возможностями <...> наш народ имеет сотни тысяч женщин-агитаторов с материнской, сестринской и патриотической любовью, и наше общенародное дело столь вернее победит»*⁹.

Первые шаги, которые новая государственная власть предпринимает в отношении женщин, соотносятся с моделью Советской России. Важным элементом пропагандируемого образа первой страны победившей революции бы-

⁵ Димитров Г. За жената-работничка. София, 1972. С. 76.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин за жената и семейството. София, 1978. С. 111.

⁸ Димитров Г. Указ. соч. С. 67.

⁹ Там же.

ло *освобождение и равенство трудящихся женщин*. Они были осуществлены посредством изменения закона о разводе (облегчение процедуры подачи развода) и уравнивания прав детей, родившихся в браке и вне его. В обращениях к конгрессам, конференциям и собраниям рабочих женщин в первые годы после революции Ленин заклеил домашний труд (*дико непродуцительная, мелочная и нервирующая до крайности, отупляющая, убийственная работа*), домашнее хозяйство и частную собственность как причину рабского положения женщины: *«Женщина была раздавлена своим хозяйством, и от такого положения ее мог спасти только социализм. Лишь когда будут уничтожены мелкие хозяйства и все перейдут к общему обрабатыванию земли, только тогда мы будем иметь полное освобождение и раскрепощение женщины»*¹⁰. И еще: *«Истинное освобождение женщины, истинный коммунизм начнутся только тогда <...> когда начнется массовая борьба владеющего государственной властью пролетариата против этого мелкого домашнего хозяйства или, вернее, его массовое преобразование в крупное социалистическое хозяйство»*¹¹.

Идеологи социалистической революции предвидели освобождение женщин путем смены формы собственности, в результате чего домашнее хозяйство будет лишено своих экономических функций, женщины будут заняты вместо подавляющего их домашнего общественно полезным трудом, где создадутся товарищеские отношения между двумя полами.

В 1944 г. революционный энтузиазм в Советской России уже давно миновал, сталинский режим установил максимальную мобилизацию общества и контроль над ним. Политика освобождения отношений полов от вмешательства государства была забыта, а в 30-е гг. были приняты консервативные законодательные акты, регулировавшие семейные отношения¹².

В Болгарии после 9 сентября 1944 г. в социалистическом проекте нового общественного строя отводилось важное место замене буржуазной правовой системы социалистической, так как считалось, что нормы буржуазного права, собранные, главным образом, в Code civil, не годятся для обслужи-

¹⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин за жената и семейството. С. 174.

¹¹ Там же. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс связывал положение женщины с формой собственности: «Освобождение женщины имеет в качестве первой предпосылки возвращение всего женского пола в общественное производство, что в свою очередь предполагает, чтобы отдельная семья перестала быть хозяйственной единицей общества <...> частное домашнее производство превратится в общественное производство» (Там же.) Забота о детях и их воспитании станет общественной работой, общество будет заботиться одинаково обо всех детях, рожденных в браке и вне его. В. И. Ленин также объявлял: «Общественные столовые, ясли, детские сады на деле освободят женщину, на деле уменьшат и ликвидируют ее неравенство с мужчиной в соответствии с ее ролью в общественном производстве и в общественной жизни» (Там же. С. 177).

¹² Goldman W. Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936. Cambridge; New York; Melbourne, 1993. См. также работу Н. Пушкаревой, Е. Узеновой «Статус на жената и етакратичен джендерен ред (Джендер-аспект на антропологията на всекидневието в съветска и постсъветска Русия)» в книге «Социализмът — реалност и илюзии» (готовится к изданию в Софии).

вания новых социалистических отношений, «они неприложимы к новой действительности, которая создает новые отношения вместе с самим новым правом»¹³. Образцом, откуда заимствовались принципы и тексты для новых законов, было советское право, которое использовалось с убежденностью в том, что «внепартийной надклассовой правовой науки не существует» («партийность в правовой науке при социализме означает восстановление жизненной правды в нашей действительности»)¹⁴.

Далее мы проследим конструирование отношений между полами в социалистическом законодательстве, касающемся семейных отношений. Оно претерпевает многократные изменения во времени, которые отражают формирующуюся волю законодателя в достижении определенных целей — *общественных результатов, которые оно преследует*¹⁵.

16 октября 1944 г. был обнародован Декрет об уравнивании прав лиц обоих полов, единственный пункт которого гласил: «Лица обоих полов пользуются равными правами во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни». В правовой науке возник спор о том, относится ли декларируемое равноправие и к частной жизни, но предполагалось, что оно действительно и для личной жизни, следовательно, и для семейных отношений.

12 мая 1945 г. вошел в силу Декрет о браке, который совершил первую большую реформу в действовавшем до того времени болгарском семейном праве. Согласно этому закону обязательный гражданский брак становится единственной валидной формой брака. Была введена более демократичная система предпосылок для брака: снижен брачный возраст, уменьшено значение родства и сватовства как преграды для брака. Демократизирована система оснований для развода: наряду с сохранением некоторых абсолютных оснований впервые предполагается развод по взаимному согласию, вводится общее основание для глубокого расстройтва брака, при этом не берется во внимание вина за наступление этого состояния. Впервые установлено равноправие законно-рожденных и внебрачных детей.

В том же году другой закон (Декрет об узаконивании фактических брачных отношений) легализует фактические браки лиц, которые из-за политических преследований до 9 сентября или вследствие войны не могли заключить законный брак¹⁶.

Конституция 1947 г. заявляет, что женщина равноправна с мужчиной во всех областях жизни, включая и частную (ст. 72). Кроме того, там записано, что «это равноправие осуществляется путем обеспечения женщине наравне с мужчиной права на труд, за равный труд — равной зарплаты, права на отдых,

¹³ Тасев Хр. Българско наследство право. София, 1956. С. 19.

¹⁴ Там же. С. 15.

¹⁵ Ненова Л. Семейно право на Република България. София, 1994. С. 44.

¹⁶ Подобный закон был принят в Советском Союзе в 1944 г. В соответствии с ним лица, живущие в фактическом супружеском сожителстве, должны были заключить законный брак — требование, не существовавшее в период с 1926 по 1944 г. (Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. М., 1996. С. 34).

права на общественное страхование, пенсию и образование. Женщина-мать пользуется особой защитой в отношении труда». И еще: «Государство проявляет особую заботу о матери и ребенке; брак и семья находятся под защитой государства» (ст. 76).

Согласно принятой Конституции, ведущим принципом в регулировании социальных отношений, включая и семейные, было *прямое участие государства*. Государство становилось гарантом осуществления социальной справедливости в пользу широких трудовых масс, оно «покровительствовало» браку и семье.

Основная перестройка семейного права была завершена принятым в сентябре 1949 г. Законом о лицах и семье (ЗЛС), в который были инкорпорированы принятые до того времени законы. Он имел почти двадцатилетний срок действия, а изменения в нем отражали намерение законодателя действовать в том или ином направлении. Так, например, в 1952 г. через вновь принятый Гражданско-процессуальный кодекс была проведена отмена развода по взаимному согласию; было запрещено и разрешение развода в связи с подачей иска, когда глубокое расстройство брака основывалось исключительно на вине истца, а другой супруг настаивал на сохранении брака — нормы, преследующие, очевидно, цель воспрепятствовать разводу и таким образом сохранить семью и, без сомнения, представляющие собой отступление от более демократичных норм Декрета о браке 1945 г. В 1953 г. (в Законе об изменении ЗЛС) были повторно смягчены после 1945 г. запреты на брак для родственников; институт сватовства был забыт; отменены «абсолютные основания» для развода (реликт буржуазного права), но принятое годом раньше неразрешение развода несмотря на вину истца при несогласии ответчика было отменено — в настоящее время такой развод допускается в случае, «если это предполагают важные общественные соображения»¹⁷.

Таким образом, осуществлялась модернизирующая (модернизаторская) роль народно-демократического государства: оно изменяло правовую систему. Наряду с общими демократическими правами женщинам было дано равенство, которое означало их уравнивание в правах с мужчинами; женщины получали права на публичную сферу (на труд, отдых, медицинскую помощь) как и мужчины, но одновременно они становились объектом заботы государства как матери. В последующие десятилетия женщины получили «свободу» развиваться в рамках между данным им равноправием быть как мужчины (в труде) и заботой государства о них как матерях. В рамках этих двух взаимно противоречащих принципов была заключена идеология и политика признания женщин в социалистической Болгарии, выраженная лозунгом «Женщина — мать, работница и общественница».

Реальное освобождение женщин (согласно мнению классиков марксизма-ленинизма и в соответствии с «общественными потребностями») может быть достигнуто само собой после их включения в общественное производство¹⁸.

¹⁷ Ненова Л. Указ. соч. С. 60.

¹⁸ О новом этосе в трудовом коллективе, который повлечет за собой культурный рост женщин, говорил Г. Димитров на Пленуме БНЖС: «Мало ли у нас еще таких ма-

«Освобождение» представлялось как «выход» женщин из дома и замкнутого пространства частной жизни. Создавался низко оцениваемый образ женщин-домработниц и негативный общественный настрой к ним, не включившимся в общественно полезный труд. В общественной шкале ценностей домашний труд сохранял низкую значимость¹⁹. В социологических исследованиях вычислялся бюджет времени и с беспокойством отмечалось, что время, уделяемое домашнему хозяйству, занимает большой объем. Согласно этнографу Р. Пешевой, это тревожное явление базируется на известном примитивизме и нежелании женщин освободиться²⁰.

Политика, ориентированная на полную трудовую занятость женщин, представляемая как реализация равенства между ними и мужчинами и отвечающая нуждам индустриализованного коллективизированного «народного хозяйства», достигла успеха: женщины были максимально вовлечены в формальную экономику — факт, который сам по себе, однако, не означал ликвидации патриархальных отношений или отсутствия иерархии в отношениях между полами²¹.

В публичном дискурсе навязывался пропагандистский образ (идеал) сильной женщины²² — труженицы, многостаночницы, женщины-товарища.

терей, которые в нашу славную эпоху трудового героизма не дают своим дочерям идти в трудовые бригады?.. Почему не дают? Потому что они внушили себе, что это неморально, что их дочерей, их девочек в бригадах могут морально развратить, притом, что уже факт, что коллективный труд молодежи в бригадирском движении, совместное движение по такому пути, как наш, пути великого строительства, повышает мораль и юношей, и девушек, делает ее здоровой, народной и прогрессивной моралью <...> создает новые, здоровые, разумные отношения между двумя полами» (Димитров Г. Указ. соч. С. 97).

¹⁹ О навязываемом в официальном дискурсе отвержении ценности домашнего/частного в первые десятилетия после 9 сентября см.: *Luleva A. Gender Images in the Bulgarian Village in the 20th Century: between Tradition and Modernity // Ethnologia Balcanica. 2001. Vol. 5. P. 157—161.*

²⁰ *Пешева Р. Семейството като възпитателна среда. София, 1975. С. 52.*

²¹ Социологические исследования того периода показывают распределение трудовой занятости женщин и мужчин по отраслям, из чего видно, что женщинам была доступна более низкооплачиваемая работа, что, со своей стороны, также создает предпосылки для зависимости. «Феминизация бедности», характерная для Болгарии в период после 1989 г., основывается на феминизации целых отраслей в период социализма. См. также: *Brunnbauer U. From Equality without Democracy to Democracy without Equality? // Тя на Балканите / Е. Тачева, И. Недин (съст.). Благоевград, 2001. P. 463.*

²² Сельские женщины в связи с характером домашнего хозяйства играли важную роль в экономике. Вопреки традиционному разделению на мужскую и женскую работу, они давно уже освоили сферу мужского труда (идеальный образ трудолюбивой сельской женщины — сильная и здоровая — отражает именно этот факт). «Слабый пол» — это городское представление о женщине, причем относящееся к женщине из элиты, так называемой буржуазной среды. Из этой среды происходят и феминистки, отказывавшиеся идентифицироваться с данным идеалом. Социалистическая пропаганда, граничащая со стигматизированием, была направлена против тех городских женщин, которые служили вредным «эталонном» для остальных.

Показательным было частое употребление мужского рода, когда речь шла о женщине, что подчеркивало приобретенную ею новую сущность: она — общественник, соратник, участник в борьбе²³. Г. Димитров советовал: *«Необходимо установить здоровое, культурное отношение к женщине как к женщине-человеку, женщине-товарищу, женщине-матери»*²⁴.

Так, с одной стороны, женщины маскулинизируются (они публично признаны, поскольку во всем как мужчина) в формате социального и символического порядка, в котором доминируют мужчины и их ценности, а с другой — в качестве *основной и самой важной роли* им вменяется материнство. Партия и государство берут на себя *заботу* о женщинах, выполняющих эту *самую важную роль человека*. Поскольку *Болгария нуждается в быстром и большом численном приросте народа, в большом количестве детей, национальной задачей должно стать следующее: в близком будущем наш народ должен исчисляться самым меньшим десятью миллионами человек*. Вот почему *надо возвести в культ добрую, преданную болгарскую мать, мать, которая еще с первым молоком, данным ребенку, передаст ему любовь к родине, преданность своему народу, верность социализму и веру в его торжество*²⁵.

Повышение рождаемости, так необходимое социалистической экономике, проходит сквозь заботу партии и государства о семье. Партийная позиция гласит, что наряду с *новой, здоровой, прогрессивной, дружеской «отечественно-фронтовой» семьей*, которую необходимо утверждать, есть и другие два типа семьи — буржуазная и патриархальная (оставшиеся от предыдущего строя). Первая должна быть разрушена, а вторая — «превозмогнута», пережита²⁶. Для создания нового социалистического типа семьи, которой отводится важная роль в строительстве социалистического общества, предпринимаются административные и законодательные меры, сопровождаемые нестихающей пропагандой повышения рождаемости и долга семьи перед обществом.

Партийная пропаганда оставляет беспрерывно упоминаемые в первые десятилетия достижения социалистической революции — освобождение и равенство женщин и акцентирует внимание на долге женщин перед обществом в качестве матерей (*«равенство означает и ответственность»*).

3. Долг перед обществом, или преданность партии и государству

Партийно-государственная «забота» о семье и женщине-матери состояла в последнюю очередь и в прямом вмешательстве в регулирование семейных отношений — процесс, который после 50-х гг. усилился и стал выражаться во все новых и новых «мерах» укрепления семьи и «покровительстве» женщинам-матерям: социалистическое общество заинтересовано в здоровых, морально устойчивых семьях, которые обеспечат развитие новых поколений²⁷.

²³ В использование единственного числа явно вкладывался эссенциалистский смысл.

²⁴ Димитров Г. Указ. соч. С. 107.

²⁵ Там же.

²⁶ Кубадински П. За социалистическото семейство. София, 1986. С. 22.

²⁷ Там же. С. 115.

Для современного государства ведущим принципом является разделение сфер на частную и публичную как сфер соответственно морального, интимного и публичного законов. Гегель подчеркивал важность этого разграничения, при котором семья принадлежит области частного; она является пространством, где реализуется право современного человека быть особенным и субъективным. Согласно этому основному принципу современного государства, правовая система стоит «в начале» и «в конце» семьи, она ее окружает, но не регулирует ее внутреннее функционирование или отношения, которые относятся к сфере морали²⁸.

В Болгарии с первой половины XX в. сферы частного и публичного функционируют отдельно, причем автономность частного основывается на частной собственности²⁹. После 1944 г. вследствие отчуждения крупной недвижимой городской собственности (что на практике оставляет семье лишь жилище в качестве ее собственности), коллективизации земли и индустриализации, превращающих огромную часть населения в мигрантов, у семьи была отнята экономическая основа ее автономности (согласно марксистской теории — гарантия ликвидации эксплуатации в ней и освобождения женщин). В течение всего периода государственного социализма основным было стремление власти проникнуть в частную сферу, подчинить ее и контролировать, а одним из путей достижения этого было лишение семьи ее частного суверенитета за счет ее «обобществления». Особенно явным было это стремление после 50-х гг. Идеолог семейной политики партии П. Кубадински был откровенен: *«Мы рассматриваем семью не как некий тесный круг, в который общество не может и не имеет права заглянуть. Точно наоборот <...> у нас есть основание хотеть от каждый семьи, чтобы она успешно и с чувством ответственности выполняла свою обязанность по отношению к нашему социалистическому обществу»*³⁰.

Большую тревогу выражали партийные и государственные руководители по поводу недостачи человеческих ресурсов. Это могло привести к уменьшению темпов развития, страна могла обезлюдеть, что неминуемо отразилось бы в нехватке рабочих рук и в ослаблении государства. По их мнению, *эта тревога овладевает людьми, которые с чувством долга и ответственности должны ответить партийному зову «Больше детей в каждой болгарской семье, больше молодых сил родине»*.

Вообще, публичная жизнь наполняется моральными категориями: от людей требуются чувство долга, ответственность, преданность, любовь к партии, обществу и государству; повседневная жизнь идеологизируется, а «забота», «защита» и т. д. со стороны государства по отношению к семье все больше переходят на дисциплинирующий контроль.

Один из механизмов воздействия в желаемом направлении — административные меры и правовая система. В 1968 г. был принят первый Семейный кодекс (СК), с помощью которого в целом регулировались семейные отноше-

²⁸ См.: Benhabib S. Situating the Self: Gender, Community and Postmodernism in Contemporary Ethics. Polity Press, 1992. P. 305.

²⁹ Habermas J. Strukturwandel der Oeffentlichkeit. Frankfurt am Main, 1990. S. 110.

³⁰ Кубадински П. Указ. соч. С. 22.

ния в духе «защиты» законной семьи. Это на практике означало ограничение прав личности, положенных в основу принятых в 40-е гг. Декрета о браке и ЗЛС. Так, например, в отношении места проживания супругов в 1945 г. Декрет о браке отменял существовавшую до 9 сентября норму, согласно которой «жена следует за супругом» и принималось, что «смена места проживания одного из супругов не создает обязанности для другого следовать за ним» (ст. 14, п. 3). В 1949 г. в ЗЛС говорилось: «Каждый из супругов имеет полную свободу при выборе места жительства» (ст. 32). В Семейном кодексе 1968 г. данная редакция текста была заменена следующей: «Супруги проживают совместно, только в случае важных причин вынуждены жить отдельно» (ст. 16); она сохраняется и в СК 1985 г. Если отмена обязанности жены следовать за мужем в 1945 г. и 1949 г. воспринималась как выражение равноправия двух полов и торжественное отрицание «супружеской власти» (существовавшей в предыдущем законодательстве), то в тексте СК 1968 г. (который остается неизменным и сегодня) формулировка о полной свободе каждого из супругов при выборе места жительства считалась излишней, поскольку старая обязанность жены следовать за мужем была уже сильно стерта³¹. С введением СК 1968 г. впервые устанавливается принципиально новый порядок имущественных отношений: вводится принцип общности имущества супругов. До того времени действовал принцип раздельности (и в обычном праве, согласно которому «каждый из супругов сохранял свое имущество, управление и пользование им»), сохраненный и в НЗБР 1945 г., и в ЗЛС 1949 г., в которых был дополнен общностью (каждый супруг имеет право на часть общего имущества, получаемого в случае развода), — порядок, толкуемый как выражение равноправия и экономической независимости женщин. В 1968 г. эта гибкая формулировка была заменена *общностью имущества супругов*, которая, как считалось, соответствовала нравственной супружеской общности и идее коллективизма в семейных отношениях: она будет содействовать укреплению семьи и привнесет в нее справедливость и стабильность. Правовая практика опровергла данные ожидания законодателей, но, вопреки противоположному мнению специалистов, принцип супружеской имущественной общности был сохранен и в новом СК, принятом в 1985 г.³²

Конституция 1971 г. подтвердила уже провозглашенные начала упорядочивания семейных отношений; согласно ст. 38: 1) брак и семья находятся под защитой государства; 2) законным является только гражданский брак; 3) супруги имеют равные права и обязанности в браке и семье; родители имеют право и должны заботиться о воспитании своих детей и об их коммунистическом воспитании; 4) дети, рожденные вне брака, имеют равные права с законнорожденными детьми. Женщина-мать пользуется особым покровительством и заботой государства (ст. 37). Было проведено изменение в формулировке равенства между полами. Вместо старой формулы «женщина имеет равные права с мужчиной» теперь говорилось: «Женщина и мужчина в НРБ имеют равные права» (ст. 36)³³.

³¹ Ненова Л. Указ. соч. С. 152.

³² Там же. С. 160—161.

³³ Български конституции и проекти за конституции. София, 1990. С. 63.

Вопреки заботе государства о сохранении целостности семьи, а также партийным решениям о стимулировании рождаемости (1968 г.) и о повышении роли женщины в создании развитого социалистического общества (1973 г.) желаемого эффекта не удалось достигнуть. В начале 80-х гг. отчитались о максимальной трудовой занятости женщин и самом низком уровне рождаемости за весь период после 9 сентября. В качестве основной причины этого отрицательного явления указывалась система ценностей, входившая в острое противоречие с общественными потребностями и интересами строительства РСО. По мнению партийных лидеров, семьи с одним ребенком были лишены чувства ответственности перед обществом, принявшим на себя историческую миссию построить зрелый социализм, который нуждается в гораздо больших людских ресурсах. Против негативной установки должны были работать профсоюзы и комсомол. На Пленуме Национального совета Отечественного фронта была поставлена задача: создать такое общественное отношение, такой настрой, который бы изменил существующее отношение; *сформировать такие личные убеждения относительно количества детей, которые бы отвечали общественным потребностям оптимального демографического развития*³⁴.

Последнее десятилетие государственного социализма проходит под лозунгом «формирования новой социалистической личности», которая должна была активнее участвовать в строительстве РСО. Активное участие в борьбе за социализм и коммунизм бралось в качестве критерия преданности личности делу социализма.

Преданность делу коммунизма³⁵ была возведена в ведущий нравственный принцип, с которым были связаны и остальные — социалистический коллективизм и пролетарская солидарность, которые должны были стать убеждением, превратиться в руководство к действию личности³⁶. Внушение чувства долга, преданности, ответственности перед обществом (понимай — государством) ясно показывает намерение сузить границы частного, которое должно было раствориться в общественных интересах. Воспитание у людей долга и ответственности, как говорили теоретики, «обеспечит добровольное подчинение личных интересов общественным»³⁷.

³⁴ Кубадински П. Указ. соч. С. 103.

³⁵ Как учили учебники по марксистско-ленинской этике, издаваемые многотысячными тиражами, это вера в идеалы и убежденность в них; преданность их носителям — КП, рабочему классу, социалистическому государству и международному коммунистическому движению; инициативность и активность в борьбе за осуществление этих идеалов; ненависть к врагам и война не на жизнь, а на смерть с ними до их полного уничтожения (Марксистско-ленинская этика. За системата на партийната просвета. София, 1982. С. 266).

³⁶ Высший принцип коммунистической нравственности БКП заимствует из Программы КПСС (1961 г.), где он определен так: «Преданность делу коммунизма, любовь к социалистическому государству» (Там же. С. 283).

³⁷ Согласно марксистско-ленинской этике, интернализация коллективных нравственных норм, их принятие как внутренней потребности и их исполнение являются ядром нравственной свободы личности в социалистическом обществе.

Рассуждая о причинах, по которым женщины не желают обзаводиться вторым и третьим ребенком, П. Кубадински выражает партийную позицию: «...это не только личное дело <...> Некоторые скажут, что это вопрос убеждения, но убеждения нужно формировать и изменять в направлении общественных потребностей и национальных интересов»³⁸. Личность должна проникнуться общественными интересами — это было бы триумфом коммунистического идеала. Лишь тогда, как писал Энгельс, отношения между полами станут исключительно частным делом, в которое обществу не стоит вмешиваться³⁹. Это, конечно же, относится к далекому коммунистическому будущему. В социалистическом обществе, хотя и «развитом», необходимо воздействовать на семьи, чтобы они отвечали общественным потребностям. Для этой цели предпринимались «комплексные меры», включая и «Указ о поощрении рождаемости». Они предполагали однократные и ежемесячные выплаты на детей, привилегии многодетным семьям (для заселения в государственные квартиры, при поступлении в детские заведения и пр.), выделение займов на квартиру молодым семьям, которые прощались наполовину при рождении второго ребенка и полностью — при рождении третьего. Идеолог семейной политики партии П. Кубадински даже рекомендовал на местах продвигать тех сотрудников, которые являются многодетными родителями: так они могли бы служить примером для масс. Официальная женская организация — Движение болгарских женщин — тоже включилась в претворение в жизнь партийных решений. Ее участницы входят в состав медицинских комиссий, разрешающих аборт (аборт не разрешался замужним женщинам, не имеющим двух детей, или в случае отсутствия медицинских показаний), и осуществляют общественный контроль: рассматривают заявления женщин, убеждают их во вреде аборта. Эта позиция не удивительна. С самого начала государственная женская организация превратилась в придаток Коммунистической партии и идентифицировалась с проведением партийной линии среди женщин, а публичные выступления ее руководительниц можно определить лишь как затверженные повторения решений очередного партийного пленума или конгресса. Естественно, что и их понимание роли женщины в социалистическом обществе было «правильным»: «Наряду с ролью активной производительной силы женщина выполняет и неотъемлемую, жизненно важную и необходимую обществу обязанность — быть матерью»⁴⁰.

Настойчивость, с которой женщинам предписывалась роль матерей (с помощью риторики *заботы о матери и ребенке*) и, более того, эта роль вменялась в качестве *долга, обязанности* женщины по отношению к обществу (*материнство — наиважнейшая человеческая роль женщины*), выдает, с одной стороны, откровенное стремление к контролю над женской сексуальностью, над самыми

³⁸ Кубадински П. Указ. соч. С. 107.

³⁹ Марксистко-ленинска етика. С. 266.

⁴⁰ Трополова Й. Значението на Единадесетия конгрес на БКП за по-нататъшното издигане на ролята на жената в изграждането на РСО // Жената — труд и бит. София, 1977. С. 7.

интимными пространствами частного, а с другой — патернализм государства, изолирующий женщин в рамках predetermined им от природы роли.

От внимания государственников не укрылось еще одно «вредное явление», отклонение от коллективистского идеала — «мода на старых дев и холостяков». Аргументы для их заклеивания (которое было не только моральным, а и санкционированным — посредством так называемого *холостяцкого налога*, возрастающего прогрессивно после 25-летнего возраста у женщин и мужчин, а иногда взимающегося и с бездетных семей!) находились как в «здоровых» народных традициях (*в прошлом народ правильно их клеймил*), так и во вредном идеологическом влиянии Запада (*молодые женщины подражают чужим модным теориям и не выполняют свое человеческое предназначение*). Перевоспитание этих женщин, большинство из которых имели высшее образование, являлось, согласно партийным лидерам, подходящим полем для деятельности (агитации) официальной женской организации. Факт показательный сам по себе для иллюстрации перевернутых смыслов в реальности государственного социализма.

В 1985 г. были проведены и очередные изменения в семейном законодательстве — принят новый Семейный кодекс. Перед этим он был предложен для «всенародного обсуждения». Были отмечены рекордное число собраний, большая активность трудящихся. Это не помешало сделать данный СК более консервативным в сравнении с предыдущим, а в ряде текстов аннулировать столь яростно пропагандировавшуюся демократичность в семейных отношениях, завоевание социалистической революции. В пространном введении кодекса, не характерном для формы подобного рода документа, отмечаются коренные изменения в браке и семейных отношениях, наступившие после социалистической революции: брак стал равноправным союзом, а семья — основной ячейкой общества. Вновь был подтвержден государственно-социалистический принцип отношений между обществом и семьей: общество *защищает и осуществляет всестороннюю заботу о семье*; семья, со своей стороны, выполняет функции воспроизводства и воспитания и таким образом исполняет предъявляемые к ней требования повышения прироста нации и создания социалистической личности. В конце заявляется, что *СК имеет целью содействовать обогащению вековых добродетелей и наилучших народных традиций, сохранивших болгарский род в течение его многовековой истории, для последующего восходящего развития и укрепления болгарской семьи*.

Имея патриотическую мотивацию, законодатель прилагал большие усилия для укрепления семьи. И поскольку самой серьезной угрозой для нее был развод (в начале 80-х около 1/4 всех семей распались), усилия были направлены на максимальное усложнение разделения супругов.

Согласно СК 1968 г. не требовалось, чтобы суд определял причину (виновного) расстройтва брака, если только сами супруги не пожелают этого, то есть предоставление развода не связывалось с поведением вины. В новом СК принимается весьма широкое значение вины в браке и устанавливается обязанность суда высказываться по этому поводу, что обосновывается как воспитательное и превентивное воздействие правовой нормы. Того же эффекта стре-

мились достичь возможностью дать отказ на развод, если виновный супруг его просит, а невиновный не согласен.

Понимание брака как общественного отношения, доминирующего над частным, находит свое выражение и в участии общественности в бракоразводном процессе. Как говорится в разъяснительных материалах к новому СК, распространяемых организациями Отечественного фронта, поскольку *общество заинтересовано в существовании прочных и жизнеспособных брачных союзов, то оно не может относиться безразлично к легкомысленному и безответственному поведению в семье и ее разрушению*⁴¹. Бдительная общественная совесть в лице общественных организаций по месту жительства и работы супругов могла включиться в защиту брака, участвуя в примирительном судебном заседании. Если, однако, усилия суда по примирению и специально затянута и усложненной процедуре не давали результатов и дело доходило до развода в результате виновного поведения одного или двух супругов, ст. 108 предполагала последнюю санкцию: *суд отправлял копию решения в трудовой коллектив по месту работы или в общественную организацию по месту проживания супругов для общественного воздействия*. Идеологи подобной практики руководствовались тем, что *виновное поведение не должно уходить от внимания общества*.

Публичное порицание виновника развода имело явные воспитательные цели. Оно должно было иметь дисциплинирующий эффект (в понимании Фуко) как для разведенных, так и для общности (трудового коллектива или соседей по кварталу), в которой *должно было сформироваться общественное отношение к разводу как отрицательному явлению, которое наносит вред обществу и недостойно социалистической морали*. С другой стороны, таким образом общественная организация и трудовой коллектив тоже выполняли дисциплинирующую роль суда (очень характерная черта — стремление к тотальному контролю сверху над личным при государственном социализме). В том же направлении действуют и другие «квазиюридические институты», дисциплинирующие общество: «товарищеский суд», «партийный суд»⁴²; в первые годы после 9 сентября — и собрания ОФ, которые выносили свои «приговоры» и, конечно же, сам «народный суд».

В рамках такого понимания заботы о браке общественность осуждала и внебрачное сожительство. Как правило, одной из задач партийной организации или формирования ОФ было воздействие на нарушителей общественной морали. Крайней мерой было санкционирование деяния как преступления против брака и семьи в Уголовном кодексе, где в ст. 180 предполагалась уголовная ответственность за оставление семьи и жизнь с другим лицом. И еще один, последний штрих к мерам по повышению рождаемости: общественные организа-

⁴¹ За по-нататъшно укрепване и развитие на българското семейство: Беседа и проект за нов Семейен кодекс във връзка с народното му обсъждане / Национален съвет на Отечествения фронт. София, 1984. С. 12.

⁴² Об идеях М. Фуко о дисциплинирующей власти в отношении к государственному социализму см.: Даскалов Р. Нещата наоколо: Наблюдения и размишления за промените. София, 1998. С. 7—30.

ции совместно с народными Советами должны были создать картотеку всех семей без детей и с одним ребенком, где женщина находится в фертильном возрасте, чтобы предпринять *более эффективную индивидуальную работу с членами этих семей*. Одновременно с этим были *взяты на учет* многодетные семьи для оказания им помощи и поднятия их общественного престижа. Кубадински советовал общественным организациям популяризировать *материальные и моральные стимулы* многодетным семьям, а их вручение должно было происходить с соответствующими ритуалами. Нам неизвестно, были ли эти ритуалы придуманы, еще менее вероятно, что стимулы дали ожидаемый результат, но одно является бесспорным: государственно-социалистическая политика по отношению к семье имеет черты дисциплинарной власти, владеющей механизмами поощрения и санкционирования.

Удалось ли власти достичь желаемого стандарта нормальности — создать нового социалистического человека, интернализовавшего наивысшую среди коммунистических нравственных ценностей — преданность делу социализма, партии и государству? Выполнили ли женщины ожидания партии после данного им равноправия — *с их трудолюбием и дисциплиной стали ли еще более действенным фактором осуществления партийной программы?*⁴³ Ответ не однозначен. Он содержится в многочисленных биографических историях мужчин и женщин, чья сознательная и активная жизнь прошла в течение десяти социалистических пятилеток.

4. «Сегодня самое важное — это борьба за мир...»

Биографические рассказы двух женщин сходного возраста, но разной социальной принадлежности и с различным жизненным опытом показывают, что социалистическая власть и идеология входят в частную сферу и конструируют жизненный мир человека. При различной способности к рефлексии в их рассказах заметно, что выход за рамки всеобъемлющей идеологии и официального символического порядка был невозможен. Они являются горьким подтверждением мнения В. Гавела о том, что идеологические лозунги могут служить поддержанию порядка власти, даже если никто не верит в них⁴⁴.

Д. В. родилась в 1922 г. и всегда жила в родном селе. О своем детстве рассказывала, как о веренице страданий (бедность, потеря отца, повторное замужество матери и ее приход в новую многочисленную семью); затем следует романтическое девичество и брак без любви (мать «отдала ее туда»). После 9 сентября ее супруг стал милиционером в городе, тогда как сама она осталась в селе и работала в колхозе. С этой работой связаны самые веселые ее воспоминания («*какие посиделки мы организовывали, как собирались...*»). С особенной гордостью женщины праздновали 8 Марта. Всегда готовили программу, читали стихи о женщинах (их им давала активистка из сельской библиотеки). Ушедшая в воспоминания, Д. В. начала цитировать одно из этих стихотворений («О, матери рода человеческого...»), но в следующий миг, немного сму-

⁴³ За издигане ролята на жената в изграждането на развито социалистическо общество: Решение на Политбюро на ЦК на БКП от 06.03.1973. София, 1973. С. 12.

⁴⁴ Хавел В. Силата на безсилните. София, 1994. С. 26.

щенно, но гордо призналась, что она сама тоже «придумала» одно стихотворение о торжестве 8 Марта. И рассказала нам его целиком: *«Мир да бъде на земята, / мир да бъде във всеки дом. / Да браним в България да няма никога прелом. / Нека нашата родина с векове напред цъфти, / и да следваме примера на Ленин. / Българийо, бъди си опора ти! / Като звезда, да светиш вечно / по заводи и училища, / и нека всички ний сърдечно / да се борим за траен мир»* (Пусть будет мир на земле, / да будет мир в каждом доме. / Будем бороться, чтобы в Болгарии никогда не было перелома. / Пусть наша родина цветет века вперед, / и будем следовать примеру Ленина. / Болгария, будь опорой! / Как звезда, свети вечно / по заводам и школам, / и пусть мы все сердечно / будем бороться за прочный мир).

Не менее интересно было и объяснение Д. В., почему она выбрала эту тему: *«Я себе сказала, чтобы придумать... что-нибудь о животных в лесу... что... что... и решила, что сейчас самое важное — бороться за мир, дай-ка я придумаю что-нибудь о мире»*⁴⁵.

Для этой деревенской женщины социалистический патриотизм и пролетарский интернационализм — незнакомые слова, но она их воспела в своем стихотворении, убежденная, что сегодня борьба за мир «наиболее важна». Стихотворение полностью вписывается в патетику праздника социалистической женщины — с присутствием обязательных образов и призывов («пример Ленина», «как звезда, свети», «прочный мир» и соответственно врага, который угрожает). Однако более важно то, что это не стихотворение, написанное каким-либо официальным поэтом для случая, что все эти клише превратились в неотделимую часть образа мышления этой измученной тяжелой сельской работой женщины, ее представлений о женщинах в день их праздника⁴⁶.

Е. Р. родилась в г. Самокове в 1924 г. в зажиточной семье. Была отличницей в школе, а затем и студенткой-юристом. После 9 сентября она прервала обучение. Вышла замуж за человека, которого уважала и любила всю жизнь. Его семья, однако, владела фабрикой, которая позднее была национализирована. Это обстоятельство превратилось в трудное препятствие в жизни молодой семьи. Е. Р. прекращает обучение, долгие годы остается без работы и не имеет квалификации; ожидание санкций из-за происхождения мужа надолго ее не оставляет (*«Во мне страх перед властью был выше всего»*). В то время как ее супруг — высокообразованный и с широкими интересами — полностью исключил для себя профессиональное развитие и публичную жизнь (первоначально он получает работу только на рытье котлованов в строительстве, позднее становится председателем жилищной кооперации) и ограничил сферу сво-

⁴⁵ Интервью с Д. В. было проведено А. Лулевой и А. Касабовой в июле 1997 г. в селе Говедарци в обл. Самокова во время сбора полевых материалов в рамках болгарско-австрийского научного проекта «Родство в Болгарии — исторические и антропологические перспективы», руководитель проф. Казер.

⁴⁶ Впрочем, празднование 8 Марта само по себе очень показательно для иллюстрации перевернутых значений символов социализма. Этот день является не поводом для изъяснения требований женщин (проблематизирование их равенства или других проявлений женской солидарности вообще немислимо), а поводом для их «чествования».

его общения семьей и друзьями, Е. Р. («*мне было нечего терять*») не прекращает бороться и доказывать власти (организации ОФ, городскому комитету партии, военной комиссии), что ее семья «*не имеет вины*». Она с волнением рассказывала обо всех этих случаях преодоления принятых «*несправедливых*» решений, но ее сопротивление, в сущности, является декларацией восприятия нового социального и символического порядка. В 70-е гг. ей удается окончить институт, готовивший учителей для системы дошкольного образования. Особенно она преуспела в усвоении идеологических дисциплин: для нее эти знания были оружием, которым она защищала себя и свою семью («*нужно познать врага, чтобы знать, как с ним бороться*»).

Иллюстрацией к этому может служить случай с досье ее сына, который занимает центральное место в ее рассказе о собственной жизни. Когда пришло время сыну отправляться в армию (1974 г.), призрак старой фабрики всплыл вновь («*Я никогда не говорила детям, пока они были учениками, что эта фабрика напротив принадлежала их деду. Никогда, а если вдруг где-нибудь обмолвятся?!*»). Е. Р. твердо решила стереть это пятно из биографии ее сына. Она дошла до «генерала в Софии» и настояла, чтобы разобрались с тем, почему ее сын не будет служить в армии, как другие. «*И тогда я ему сказала: "Вы, товарищ генерал, подрезаете крылья юноше, отвергаете его, делаете врагом, а он увлечет за собой и других... Или Вы думаете, что я не воспитала его в любви к родине, партии и государству? Я — учительница и воспитываю детей, Вы мне доверили это ответственное дело..."*» Так Е. Р. смогла изменить решение военной комиссии и обеспечить пересмотр досье городским комитетом партии, чтобы там был стерт донос о враге народа («*Осталось только, что пивная фабрика в городе принадлежала им и была национализирована*»). Ее сын стал пограничником, она поздравляла солдат от имени всех матерей на военной присяге при принесении клятвы на верность родине, но страх, что его происхождение может быть вновь раскрыто, ее не покидал. Ей выслали благодарственное письмо из гарнизона, но все в доме с ужасом вопрошали, что бы это могло значить. И она вновь делает жест лояльности и верности в сторону «правильной» идеологии — отправляет на заставу вышивку с изображением Ленина («*Мы их делали для детского сада, и я подумала, что это очень подходящее — как бы в благодарность...*»).

Е. Р. испытывает чувство гордости и удовлетворения, что смогла преодолеть капканы власти и отделить идентичность своих детей от их политически неблагонадежного происхождения и таким образом помочь им иметь «нормальные» биографии (ее сын сделал научную карьеру, дочь также закончила университет). У Е. Р. нет сознания жертвы власти, скорее — человека, который находил верный путь, чтобы справиться с ее натиском. Для этой женщины частная и публичная жизнь одновременно драматично противопоставлены и неизбежно связаны, переплетены.

Эта история ясно показывает, как в ситуации, когда индивид принужден постоянно свидетельствовать о правильном мышлении, верности и преданности идеологии и ее заместителям в лице партийно-государственной власти, а малейшему отклонению от «нормального» приписывается полити-

ческий смысл (против партии и государства), страх слежки (доноса) и наказания незаметно порождает автоцензуру и публичный конформизм, иногда в сочетании с глубоким внутренним несогласием («раздвоенное я» при социализме, о котором писал Verdery; разделение карьеры и частной жизни, проанализированное Стефановым)⁴⁷.

Об иллюзорности границы между частной жизнью и публичной сферой пишет Ц. Тодоров, вспоминая о 50-х гг. в Софии: «Тоталитарный режим создает иллюзию, что контролирует “только” публичную жизнь, а вы остаетесь хозяином собственного частного бытия. Следовательно, мы могли беспрепятственно — или просто мы так думали — наслаждаться радостями дружбы и любви, разума и духа <...> которые нам позволяли жить с иллюзией свободы. Несомненно, мы были еще очень молоды, чтобы знать, что граница между публичным и частным окончательно не установлена и не является непроходимой и что, веря, что мы ускользнули от тоталитарного контроля в одной части нашей жизни, мы в действительности ему развязывали руки, чтобы он устраивал себе в угоду всю общественную жизнь — сиречь всю жизнь. Обеспечивая свое выживание и относительное благополучие, мы укрепляли сам тоталитарный режим»⁴⁸.

Механизмы сужения границ частного разнообразны. Один из них — разрушение домашнего хозяйства как производственной единицы, включение мужчины и женщины как рабочей силы в народное хозяйство, их превращение в индивидов, зависящих от всеобъемлющей власти государства (вспомним и иллюзорный характер типичной социалистической собственности — панельную квартиру, являющуюся пространственным выражением обобществления частной жизни). Согласно Хабермасу, в отношении, в котором частная жизнь, потеряв свою автономность, становится публичной, сама публичность принимает формы интимности⁴⁹. Хегел называет это смешение сфер «политическим патриархатом». При государственном социализме он приобретает крайние измерения. Я имею в виду не только фигуру «отца» народа, который казался вечным, а скорее воображаемую и реальную возможность государства «заботиться» и наказывать, поощрять/стимулировать и санкционировать, дисциплинировать со своей патерналистической позиции. Для этой цели право было превращено в нормализующий, дисциплинирующий инструмент в гораздо большей степени, чем это возможно при либеральной демократии.

⁴⁷ Creed определял поведение людей в наблюдаемом им селе скорее как согласие с системой, нежели как сопротивление ей (*Creed G. Domesticating Revolution: From Socialist Reform to Ambivalent Transition in a Bulgarian Village. Pennsylvania State University Press, 1998*). О наиболее часто используемых стратегиях в овладении повседневностью в социалистическом селе см.: *Пом К. Практики и стратегии за овладяване на всекидневието в едно село на социалистическа България // Социологически проблеми. 1998. № 3/4.*

⁴⁸ *Тодоров Цв. Памет за злото, изкушения на доброто: Анкета върху века. София, 1994. С. 243.*

⁴⁹ *Habermas J. Op. cit. S. 250.*

5. Решение женского вопроса по-(государственно)-социалистически

В дискурсивных рамках марксистско-ленинской идеологии женский вопрос считался решенным с победой социалистической революции. Декларирование равноправия полов в конституции и перемены, главным образом в семейном законодательстве, были для власти самым ярким доказательством достигнутого и только при социализме возможного освобождения женщин. Вот почему женский вопрос не мог более существовать как политический вопрос.

И если для пропаганды было характерно выдавать желаемое за действительное, едва ли удивительно, что такой же была и позиция женской организации. Как часть партийно-государственного аппарата, который тотально управлял публичной сферой, Комитет болгарских женщин был пустой формой, лишенной смысла, выполняющей единственно декоративные функции в витрине социализма; он был полностью дискредитирован, будучи частью партийно-государственной меритократии⁵⁰. На уровне идеологии женский вопрос эволюционировал от идей равенства и свободы (в мужском социальном порядке, в котором признавалось право женщин быть как мужчины) к материнскому долгу. Идея материнства концентрировала в себе всю противоречивость государственно-социалистического модернизационного проекта. С одной стороны, с ее помощью ясно демонстрировалось стремление к инструментализации женщин в качестве рожаящих (*молодые силы Родины*) и навязывание этой роли как их долга/обязанности перед обществом (государством), которое «заботится» о них, — отношение зависимости, подчиненности (так называемая публичная патриархальность⁵¹). Материнство не было вопросом свободного выбора. И хотя контроль за женской сексуальностью в Болгарии не достиг масштабов других стран Восточного блока, тотализирующее стремление к обобществлению частного здесь является бесспорным. С другой стороны, материнство аргументировалось ценностями заботы (о доме, детях, престарелых) и саможертвы (жертвоготовности)⁵² — ценностями, более ориентированными на традиционную патриархальность, чем воспринимаемыми как признание различия и свободного выбора.

⁵⁰ Ю. Крыстева писала о выдвинутых на командные посты женщинах Востока как «хранительницах статуса-кво, самых пламенных защитницах установленного порядка» (*Кръстева Ю.* Времето на жените // Времето на жените. София, 1998. С. 28).

⁵¹ См. об этом: *Даскалова К.* Указ. соч. С. 100.

⁵² Социологическое исследование начала 70-х гг. показывает, что одна треть женщин, которые бы хотели сделать профессиональную карьеру, признают, что «трудности <...> современности заставляют их приносить жертвы» (*Динкова М.* Отпускът по майчинство — практика и проблеми // Жената — труд и бит. С. 350). В женских биографических рассказах, в отличие от мужских, постоянный мотив — необходимость сочетания профессиональных занятий с заботой о детях и семье, что часто предполагало жертвы в развитии личности (выбор компромиссной работы, соотнесение с занятостью мужа и пр.). В некоторых рассказах этот момент не проблематизируется, а принимается как само собой разумеющееся подчинение женщины приоритетам семьи и работы мужа. См. также: *Гаврилова Р.* Жени в градовете, деца селата // Тя на Балканите / Е. Тачева, И. Недин (съст.). С. 264—265.

Политика в отношении женщин в период государственного социализма претерпела изменения. После первоначального порыва к демократизации семейных отношений и сильно пропагандируемого и идеологизированного провозглашения равенства и свободы для женщин, начиная с 50-х гг. законодательство стремится «укреплять» семью (как основную ячейку общества) путем прямого вмешательства государства. Власть видела в семье опору для создания нового общества, нового человека. Образцом новой дружеской семьи была рабочая семья, в которой «дружеские» отношения, как полагали, были гарантированы путем лишения (экономической) власти мужчины — главы семьи (эта фигура была отменена и законодательно) и включения женщин в общественное производство. В действительности законодательство «конструирует» женщин способом, не отменившим их традиционные роли: материнство и забота о детях и семье лежат в основе «привилегий», которыми пользуются женщины («отраженно произведенная дискриминация», по мнению Хабермаса). Более того, в публичном дискурсе они им вменяются в качестве долга и ответственности, в сочетании с общественно полезным трудом, представляемым как выражение достигнутого равенства, а в действительности — результатом экономического и политического принуждения. Кроме участия женщин в формальной экономике наравне с мужчинами (но занятость в более низкооплачиваемых отраслях и профессиях) социализм оставляет как их сохраненную территорию домашний труд и — из-за особенностей «народного хозяйства» — груз неформальной экономики, обеспечивающей большую часть продуктов питания в домашнем хозяйстве.

В условиях государственно-социалистического варианта модернизации в Болгарии превращения универсальных идей о равенстве и свободе в реальность не состоялось, как из-за вложенного в них марксистско-ленинского классового смысла, так и по причине политики партийно-государственной власти, которая стремилась к дисциплинированию и подчинению людей и во имя своих интересов была готова негласно отступить от идей (так называемый реальный социализм). А их реализация все откладывалась на светлое будущее.

Вероятно, культурные противоречия государственного социализма сочетают антимодерное (подчинение индивида групповым интересам, тотально иерархичное общество, состоящее из как бы равноправных граждан, всепроникающую меритократичность) и архимодерное⁵³ (быструю индустриализацию, урбанизацию, технический прогресс); одновременно тотальное идеологизирование повседневной жизни и освобождение идеологием от их содержания⁵⁴;

⁵³ Об этой двойственности тоталитаризма см.: *Тодоров Цв.* Указ. соч. С. 56.

⁵⁴ Исследуя судьбу марксизма в Болгарии, Д. Денков говорил о «его неукорененности в ситуацию, следовательно и о его иллюзорности даже во время приписываемого ему господства». В течение всего периода социализма была заметна напряженность в отношениях между ортодоксальными марксистами и партийными идеологами, которые все меньше опирались на аргументы марксизма. «Все более тяжелая государственная конструкция, в которой его [марксизма] ведущая роль была и конституционно указана, все больше исчерпывала его проектный потенциал. Из критики идеологии он превратился в научную идеологию, из интернациональной задачи он

провозглашаемые и действительные достижения; «все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей» и все более сильное ощущение недостатка — от недостатка самых элементарных продуктов до отсутствия свободы; стремление к обобществлению индивида и дистанцирование людей от их частной жизни как бегство от «коллективной» публичности.

Таким образом, даже когда некоторые из моих собеседниц верили, что социализм принес женщинам освобождение, это скорее усиливало мое убеждение в том, что не может быть освобожденных в обществе, которое не построено на принципе свободы личности.

свелся к региональному решению, из образцового текста он превратился в административный стиль коллективного партийного творчества. В условиях этих неудержимых перформативных внутренних противоречий вполне естественно появились и возможности для радикальной деконструкции» (*Денков Д.* 17 юни на Симеон Сакскобургготски. София, 2002. С. 152).

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И. Курило, С. Аксенова

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОСТАВА ЗАНЯТЫХ ЖЕНЩИН В УКРАИНЕ

Выявление гендерных особенностей социально-экономического состава населения предусматривает в первую очередь анализ роли и позиций женщин и мужчин через призму разделения труда и институтов социализации (образование, семья). Проблема гендерного размежевания труда остается весьма актуальной в транзитивной экономике, однако не только отечественные, но и западные исследователи констатируют, что мир женского труда продолжает отличаться от мужского видом работы, оплатой, положением, характером включения женщин в состав рабочей силы и исключения из него, доступом к распределению ресурсов и доходов, продолжительностью рабочего времени и т. п.¹

Социально-трудовой опыт украинских женщин в трансформационный период характеризуют: довольно высокая экономическая активность, значительный вклад в семейный бюджет, сочетание различных видов занятости в экономической сфере и в сфере демовоспроизводства. Высокая, почти сплошная занятость женщин трудоспособного возраста в экономике советских времен предопределялась ее трудоизбыточной спецификой, экстенсивным характером развития и соответствующей мобилизационной политикой всеобщей «трудовой повинности». Разумеется, массовое высвобождение трудоспособного населения (и особенно женщин) из производства в период социально-экономического кризиса 1990-х и падение занятости не были для женщин благом (учитывая попутное резкое падение уровня жизни), однако и ныне, в условиях выхода из кризиса, нельзя однозначно утверждать, что сравнительно высокая экономическая активность женщин в Украине представляет собой результат реализации предоставленной им свободы жизненного выбора, а не «служит простому выживанию, и, таким образом, в ней проявляется не суверенность личности, а подчинение необходимости и вынужденность»². Несомненной представляется связь довольно высокого уровня

© Курило И., Аксенова С., 2008

¹ *McDowell L. Gender Divisions // Changing Social Structure / Ed. by C. Hamnett. L., 1989; World Employment Report 1998—1999: Employability in the Global Economy — How Training Matters. Geneva, 1998.*

² *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000. С. 107.*

экономической активности женщин в Украине как с низким уровнем доходов населения (и, соответственно, потребностью в двух кормильцах в полной семье), так и с социально-демографическими характеристиками (высокой долей одиноких женщин и неполных семей). Однако мы будем рассматривать экономическую активность, занятость, образовательно-профессиональные ресурсы женщин прежде всего как предпосылку и средство их самореализации, достижения желаемого социально-экономического статуса.

Согласно результатам выборочных обследований населения по вопросам экономической активности в составе экономически активного населения Украины (в возрасте от 15 до 70 лет), а также среди занятых экономической деятельностью лиц, доля женщин в последние годы превышала 48 %. Уровень экономической активности женщин в Украине ныне составляет около 57 % (а для женщин в интервале от 25 до 54 лет — более 80 %), уровень занятости — 53 и около 74 % соответственно. Уровень занятости женщин Украины на сегодня ниже, чем средний по странам Евросоюза, но выше, чем, к примеру, в некоторых южноевропейских странах (в частности, Греция, Мальта, Турция), а также и в таких странах Восточной Европы, как Венгрия, Польша или Словакия. Относительно уровня занятости особенно заметен разрыв между Украиной и отдельными европейскими странами с наиболее высокой занятостью женщин, такими как Дания и Швеция (свыше 70 % женщин относятся к занятым), а также Великобританией, Нидерландами или Финляндией, где ныне заняты экономической деятельностью свыше 65 % женщин³. Вместе с тем на результатах международных сравнений сказывается наличие заметной разницы между официальным возрастом выхода женщин на пенсию в Украине (55 лет) и в упомянутых европейских странах.

В Украине на фоне большинства европейских стран (и особенно таких как Греция, Испания, Италия, Нидерланды, Германия, Ирландия) привлекает внимание сравнительно небольшое превышение уровней занятости мужчин по сравнению с женщинами в период их наиболее высокой экономической активности, которое можно проследить по итогам обследований экономической активности населения (см. рис. 1). Некоторое превышение уровней занятости мужчин над женщинами наблюдается во всех возрастных группах и достигает максимума в послетрудоспособном возрасте. Заметное, по сравнению со средними возрастными группами, «отставание» женщин по уровню занятости от мужчин в возрастных группах 20–24, 25–29 лет (а отчасти и 30–34 года) в определенной мере связано с реализацией молодыми женщинами в этом возрасте своих функций по рождению детей и уходу за ними. Исследованием установлено также, что различия между уровнями занятости мужчин и женщин в Украине сокращаются по мере повышения образовательного уровня, т. е. образовательный фактор влияет на уровень занятости женщин сильнее, чем мужчин.

³ Економічна активність населення України у 2006 р.: Стат. збірник. Київ, 2005. С. 177.

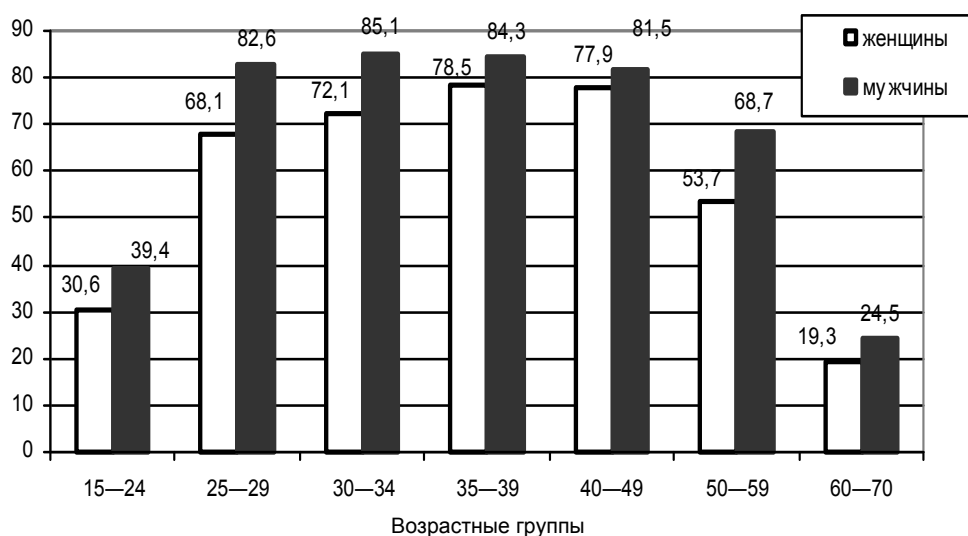

Рис. 1. Уровень занятости женщин и мужчин Украины по возрастным группам в 2006 г., %⁴

Рассмотрение гендерного неравенства представляет собой, по сути, анализ властных отношений полов в экономической и социальной сферах жизнедеятельности. Неравенство между полами в той или иной форме берет свое начало в экономической исторически сложившейся власти мужчин, которая основывалась на праве частной собственности и поддерживалась благодаря привилегированной позиции мужского пола в производстве средств к существованию. В этом плане довольно красноречив половой состав новых социально-классовых образований в Украине. В их числе — статусная группа предпринимателей-работодателей, которая занимает (исходя из критериев уровня дохода, а также социального престижа) высокую ступень в социальной иерархии и отличается значительной неравномерностью распределения по половому признаку: большинство украинских предпринимателей-работодателей представлено мужчинами. Если на каждую 1000 занятых мужчин в Украине в 2006 г. приходилось 13 работодателей, то на 1000 женщин — всего 6 представительниц данной статусной группы.

Половые отличия относительно статусно-классовой принадлежности соответственно отражаются в структуре источников средств существования занятых мужчин и женщин. Так, например, доля лиц, для которых основным источником средств существования выступает работа на собственном предприятии, среди занятых мужчин трудоспособного возраста почти на 4/5 выше, чем среди женщин. Более высока также доля занятых мужчин, источником средств существования для которых выступает занятость в собственном фермерском хозяйстве.

⁴ Рассчитано по данным обследований населения Украины по вопросам экономической активности.

В условиях постепенного перехода человечества к экономике знаний ключевым адаптационным ресурсом, капиталом, владение которым определяет социально-экономическую позицию индивида и его перспективы, становится образование. Население Украины ныне характеризуется сравнительно высоким образовательным уровнем, однако сохраняются довольно весомые образовательные различия по типу поселения и менее существенные — по полу. При этом гендерный перевес по образовательному признаку складывается в пользу женщин. О гендерных отличиях по данному признаку применительно к занятому населению позволяют судить показатели, представленные на рис. 2.

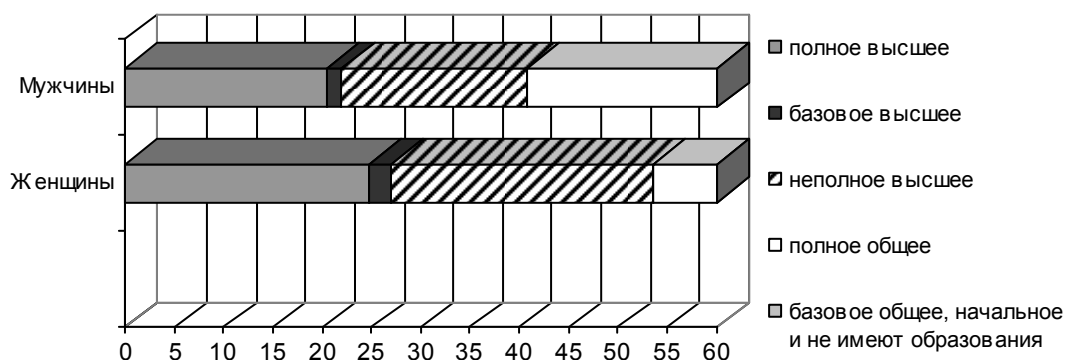

Рис. 2. Распределение занятых женщин и мужчин в Украине по уровню образования в 2006 г., %⁵

Несмотря на более высокий образовательный уровень женщин, в Украине сохраняется определенное неравенство шансов для женщин и мужчин относительно достижения высоких позиций в общественно-экономической иерархии. Оно довольно четко прослеживается при рассмотрении социально-профессионального состава, анализ которого представляет особый интерес, исходя из значимости социально-профессиональной составляющей в достижении гендерного паритета в современном обществе. Специфика распределения женщин и мужчин по занятиям отчасти определяется психофизиологическими особенностями пола в увязке с требованиями к исполнителям определенных видов работ и условиями их выполнения, а кроме того, с традиционными представлениями о «мужских» и «женских» ролях и профессиях. По мере технико-технологической модернизации производства, уменьшения объемов ручного труда, повышения образовательно-профессиональных требований к работникам, расширения свободы социально-экономического и, в частности, профессионального выбора действие природно-биологических факторов ослабляется, а вместе с этим сокращаются половые диспропорции в профессиональном составе, гендерные «перекося» в социально-трудовой сфере, объективно формируются условия для более равноценного представления полов на разных ступенях общественной иерархии.

⁵ Рассчитано по данным обследований населения Украины по вопросам экономической активности.

Профессиональный состав занятых женщин в Украине (рис. 3) характеризуется, по сравнению с мужским, более низкой долей «элитной» группы «законодатели, высшие государственные служащие, руководители» и одновременно значительно меньшим вкладом профессий, принадлежащих к группам «квалифицированные рабочие с инструментом» и «операторы и сборщики оборудования и машин». При этом среди занятых женщин почти в пять раз выше, чем в составе мужчин, удельный вес технических служащих, почти в два с половиной раза — работников сферы обслуживания и торговли, вдвое выше — доля профессионалов, почти вдвое — специалистов.

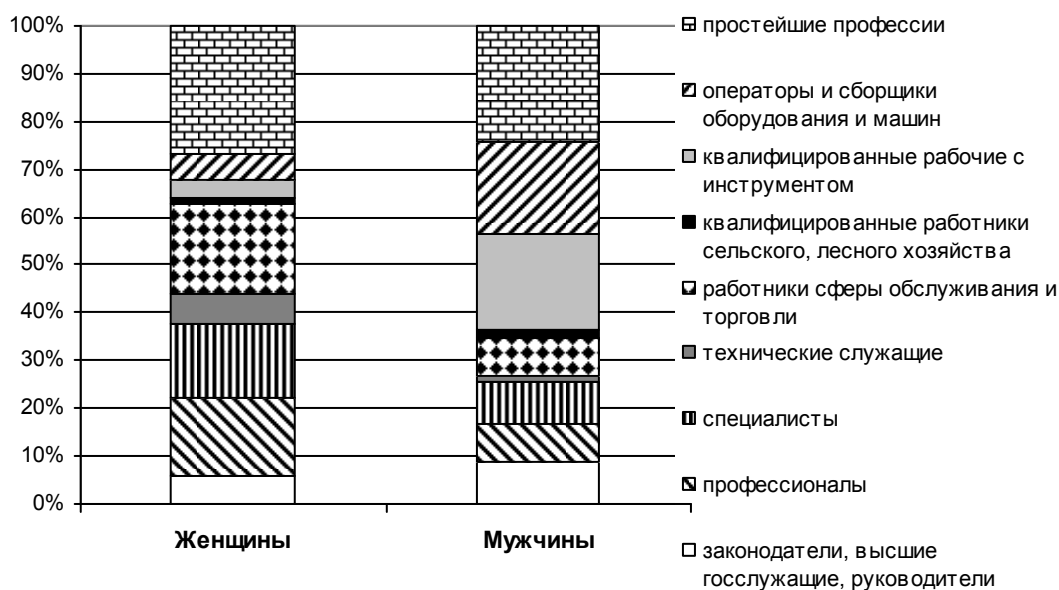

Рис. 3. Распределение занятых женщин и мужчин в Украине по группам занятий в 2006 г. (в % к общей численности занятых соответствующего пола)⁶

Общая численность и суммарная доля занятых преимущественно умственным трудом, которые по критерию социально-профессиональной принадлежности представляют высшие и средние слои населения, у женщин заметно выше, чем у мужчин, однако это преимущество в значительной мере формируется за счет представителей тех занятий, которые требуют относительно более низкого профессионально-квалификационного уровня (специалисты), а также технических служащих, которых обычно относят к «низшему среднему классу». Углубленный анализ относительных величин структуры и координации внутри представленных укрупненных групп занятий показывает, что, к примеру, в группе занятий «законодатели, высшие госслужащие, руководители» участие женщин последовательно сокращается в направлении движения к элитным слоям населения, с переходом к высшим эшелонам власти, в результате чего женщины в Украине и ныне слабо представлены на уровне принятия важных политических и экономических решений. При значительном численном

⁶ Рассчитано по данным обследований населения Украины по вопросам экономической активности.

преимущество по группе «профессионалы» женщины чаще принадлежат к наиболее «феминизированным» подгруппам занятий, представленных лицами с относительно более низким уровнем квалификации из числа занятых в данной профессиональной группе.

Имеющаяся в наличии статистика позволяет наиболее детально исследовать гендерные профессионально-статусные особенности и различия на примере совокупности государственных служащих, в составе которых в Украине на сегодня преобладают женщины, занимавшие в 2006 г. более 3/4 всех должностных позиций. При этом анализ статистических материалов подтверждает тот факт, что среди государственных служащих на должностях руководителей в органах законодательной, исполнительной и судебной власти женщины наиболее широко представлены лишь на низших уровнях руководства, однако чем выше уровень управления, тем меньше удельный вес женщин-руководителей. В общей численности женщин — государственных служащих женщины-руководители составляют 21,7 %, в то время как удельный вес мужчин-руководителей в общей численности мужчин — государственных служащих к концу 2006 г. достиг 38,1 %. Мужчин-руководителей I, II и III категорий в 2,1 раза больше, чем женщин-руководителей этих же категорий (по состоянию на конец 2003 г. аналогичное превышение составляло 2,6 раза, а в 2000 г. — 3,9 раза). Динамика изменений состава государственных служащих за последние годы свидетельствует о некотором сглаживании гендерных диспропорций в этой сфере, что подтверждается ростом численности женщин-руководителей первых трех категорий за период с 2000 по 2006 г. (на 68,6 %). На рис. 4 показано увеличение удельного веса служащих-руководителей у женщин и соответствующее снижение у мужчин. Отметим также, что прирост численности женщин за этот период был более ощутимым именно на высоких должностных уровнях.

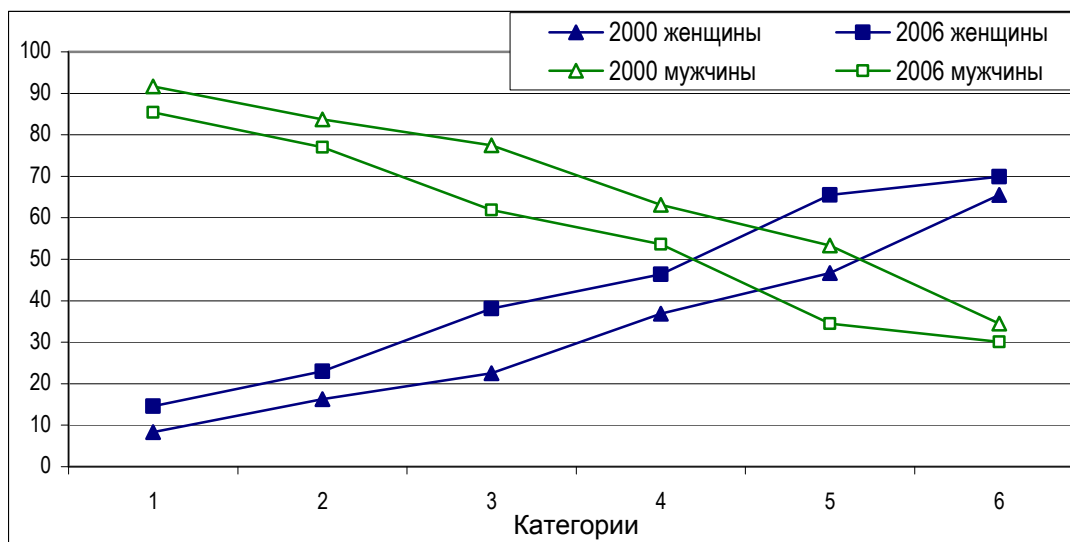

Рис. 4. Распределение государственных служащих-руководителей по полу в разрезе отдельных категорий должностей в Украине в 2000 и 2006 гг., %⁷

⁷ Рассчитано по: Праця України 2006: Стат. збірник. Київ, 2007. С. 140; Праця України 2000: Стат. збірник. Київ, 2001. С. 141.

Несмотря на положительные (с точки зрения достижения гендерного паритета) изменения соотношений мужчин и женщин на государственной службе, удельный вес женщин-руководителей I, II и III категорий в численности женщин-руководителей по состоянию на конец 2006 г. равен лишь 3,7 %, а аналогичный показатель у мужчин находится на уровне 13,2 %. С другой стороны, женщины-руководители шестой (низшей) категории среди женщин-руководителей всех категорий составляют почти 60 %. Эти различия в должностном положении мужчин и женщин демонстрируют сложившуюся в сфере государственного управления вертикальную сегрегацию, которая отражает низкую доступность для женщин престижных должностей, связанных с ответственностью и принятием решений⁸. Что же касается так называемого «стеклянного потолка» для женщин-руководителей на государственной службе, т. е. «тех невидимых и формально не обозначенных барьеров, которые препятствуют карьерному росту женщин»⁹, то, по всей видимости, ныне он «сдвигается» в направлении более высоких должностных уровней. Если в конце 2000 г. в Украине женщины-руководители на государственной службе имели численное превосходство над мужчинами только по шестой должностной категории, то в конце 2003 г. — уже по пятой и шестой должностным категориям, а в конце 2006 г. удельный вес женщин-руководителей увеличился по всем категориям, кроме первой.

Согласно результатам проведенного в Украине социологического исследования работников районных государственных администраций, районных исполнительных комитетов, работников местных и сельских советов, продвижение по службе в большей степени актуально для мужчин молодого и среднего возраста, чем для женщин этих же возрастных групп. Стремление к продвижению по службе и достижению высокого профессионального статуса подтвердили 8,6 % опрошенных мужчин и 6,9 % и женщин молодого возраста, а также соответственно 7,6 % мужчин и 7,4 % женщин среднего возраста¹⁰. Однако среди опрошенных зрелого возраста желание карьерного роста было несколько более выражено у женщин, чем у мужчин (6,3 и 6,0 % соответственно). Как нам представляется, влияние внутренних барьеров, таких как боязнь лидерства или успеха, у женщин сильнее проявляется в молодом возрасте и уменьшается по мере приобретения опыта. В зрелом возрасте «должность становится принципиальным фактором при выходе на пенсию», т. к. уровень пенсионного обеспечения во многом зависит от карьерной позиции государственного служащего. Кроме того, для Украины, так же как и для других стран постсоветского пространства, серьезной проблемой является «отсутствие механизмов выдвижения молодых женщин-управленцев»¹¹.

⁸ Тюрина И. О. Гендерные аспекты занятости и управления // Социол. исслед. 2002. № 11. С. 135—142

⁹ Словарь гендерных терминов. <http://www.owl.ru/gender/202.htm>

¹⁰ Савченко Б. Г., Кравченко М. В. Шляхи підвищення ефективності діяльності державних службовців: (Соціологічний аналіз). <http://www.nbu.gov.ua/e-journals/Dutp/2005-1/txts/SAVCHENKO.htm>

¹¹ Роль женщин в местном самоуправлении. М., 2006. http://www.urbanecomomics.ru/texts.php?folder_id=94

Отсутствие необходимого количества примеров для подражания, заниженная самооценка самих женщин-руководителей, недостаточность ресурсов во многом усложняют продвижение женщин — государственных служащих по карьерной лестнице. Еще одним фактором малочисленного представительства женщин на высоких руководящих уровнях является, по мнению ряда исследователей, принцип «корпоративной мужской солидарности», когда именно мужчины, занимающие наивысшие должности руководящего состава, решают вопросы кадрового обеспечения¹².

Однако «корпоративная мужская солидарность» может иметь и вполне логичное объяснение, основанное на большей, по сравнению с женщинами, готовности мужчин к сверхурочным работам, поскольку, как известно, должность руководителя (в том числе и на государственной службе) предполагает ненормированный рабочий день. Так, согласно результатам проведенного Центром исследований рынка труда (Институт экономики РАН) социологического обследования, 76 % работодателей из тех, кто предпочитает нанять мужчин на руководящую должность (т. е. проявить так называемую «корпоративную мужскую солидарность»), указали, что на сверхурочных работах у них на предприятии заняты в основном мужчины-руководители¹³.

Негативное отношение женщин к возможному увеличению рабочего дня является следствием их большей домашней загруженности, возложения на женщин большинства обязанностей, связанных с уходом за домочадцами и воспитанием детей. Например, как указывает Е. Балабанова, «медианный женский показатель занятости в домашнем хозяйстве вдвое превышает мужской»¹⁴. С другой стороны, «относительно высокий социально-профессиональный статус женщины является фактором уменьшения ее занятости по дому», и тем не менее совокупная трудовая нагрузка (т. е. затраты времени на оплачиваемую и домашнюю работу) у женщин-руководителей остается выше, чем у мужчин-руководителей¹⁵.

Имеющиеся статистические данные по Украине четко демонстрируют также увеличение при повышении должностного уровня доли женщин пенсионного возраста среди женщин-руководителей на государственной службе. Заметно (и весьма показательно) варьирует на разных должностных уровнях удельный вес женщин-руководителей в возрасте от 28 до 40 лет (см. рис. 5).

Женщины составляют подавляющее большинство (около 80 %) среди специалистов на государственной службе. При этом, однако, 2/3 должностей второй (высшей) категории специалистов занимают мужчины. По мере снижения должностного уровня доля женщин-специалистов на государственной службе увеличивается (см. рис. 6).

¹² Гендерний розвиток в Україні. Реалії і перспективи. Київ, 2003. С. 15.

¹³ Москвская А. А. Стереотипы или конкуренция? : (Анализ некоторых гендерных предпочтений работодателей) // Социол. исслед. 2002. № 3. С. 52—61.

¹⁴ Балабанова Е. С. Домашний труд как символ гендера и власти // Там же. 2005. № 6. С. 111.

¹⁵ Там же. С. 112—113.

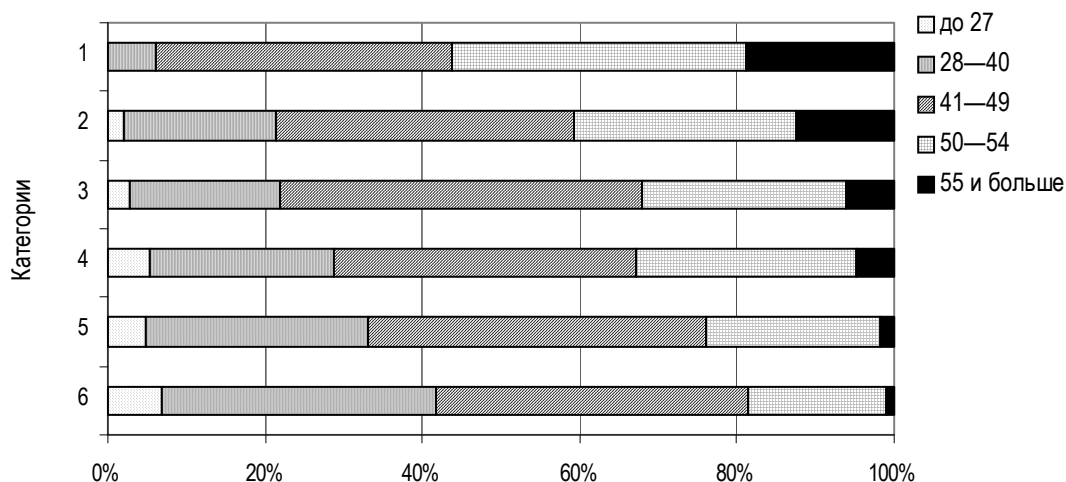

Рис. 5. Распределение численности женщин-руководителей на государственной службе по возрастным группам в Украине, %¹⁶

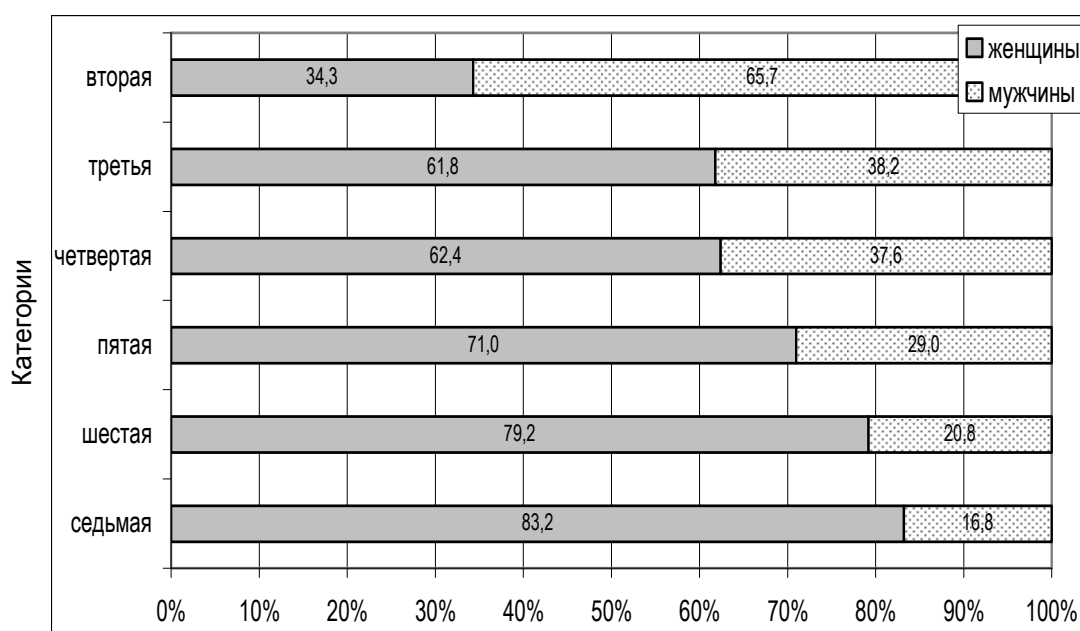

Рис. 6. Распределение государственных служащих-специалистов в Украине по полу в 2006 г. (в % от общей численности специалистов соответствующей категории)¹⁷

Анализ современного профессионального состава занятых в Украине показывает, что не только в группах занятий верхней части образовательно-профессионального спектра, но и в группе «технических служащих», а также

¹⁶ Праця України 2004: Стат. збірник. Київ, 2005. С. 112.

¹⁷ Праця України 2006: Стат. збірник. Київ, 2007. С. 121.

среди работников торговли и услуг, квалифицированных работников сельского и лесного хозяйства профессионально-должностные позиции женщин, как правило, ниже, они преимущественно сконцентрированы в рамках низкоквалифицированных и обслуживающих работ.

Продемонстрированное выше отставание женщин по профессионально-квалификационному уровню в условиях, когда образовательный уровень занятых женщин не уступает мужскому, дает основания говорить о низкой эффективности использования образования занятых женщин в Украине. Данный вывод подтверждают также показатели уровня доходов и, в частности, оплаты труда мужчин и женщин с разным уровнем образования. Так, расчет показателя оплаты труда, произведенный по данным обследований условий жизни домохозяйств, показывает, что уровень женщин с полным высшим образованием в Украине в 2006 г. составлял менее 73 % от оплаты труда высокообразованных мужчин. Полученные по данным обследований условий жизни домохозяйств показатели также демонстрируют, что именно среди лиц с высшим образованием (в частности, базовым высшим) разрыв в уровне доходов в пользу мужчин наиболее существен. Это, кстати, не согласуется с основными гендерными соотношениями доходов по образовательным уровням в развитых странах, где отставание женщин от мужчин по уровню среднего заработка у лиц с высшим образованием университетского уровня значительно меньше, чем у лиц с низким уровнем образования¹⁸.

Что касается гендерных различий собственно заработной платы, то, согласно данным статистической отчетности предприятий и организаций, средняя зарплата занятых женщин в Украине в течение трансформационного периода составляла в 1992 г. 65,0 % от заработной платы мужчин, в 1996 г. — 86,2 %, в 2002 г. — 69,3 %, в 2003 и 2004 гг. — 68,6 %, в 2005 г. — 70,9 %, в 2006 г. — 72,8 %. При этом результаты проведенного факторного индексного анализа разрыва в уровне средней зарплаты женщин и мужчин показывают, что в его формировании решающую роль играют именно отличия в уровне оплаты труда женщин и мужчин по отдельным видам экономической деятельности, хотя дает себя знать и влияние структурного фактора — преобладание женщин в сферах деятельности с низкой зарплатой.

Однако, справедливости ради, следует отметить, что в Украине имеют место и определенные «болевы точки», касающиеся социально-экономического состава мужчин, которые находят свое отражение в отставании их от женщин по образовательному уровню, а также в высокой концентрации мужчин в пределах групп занятий преимущественно физическим трудом и низкотехнологичных отраслях экономики, не имеющих особых перспектив в условиях перехода к инновационной модели экономического развития.

¹⁸ OECD: Education at a glance: OECD Indicators 1996. Paris, 1996. P. 243.

Е. А. Коляскина

ДЕТОРОЖДЕНИЕ В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ

Во второй половине XIX — первой трети XX в. на современной территории Алтайского края, а также примыкающих районов республики Горный Алтай и Восточно-Казахстанская область (ВКО) проживало несколько этнокультурных групп русских крестьян. Традиционно выделяют старожилов, поселившихся на Алтае до 1862 г., и переселенцев, приехавших во второй половине XIX — первой трети XX в. В свою очередь среди старожилов были сторонники официального православия — «сибиряки», «казаки», «бергалы», «чалдоны» и старообрядцы — «кержаки», «австрийцы», «поморцы» и др. Переселенцев называли «российские», «рассейские» или по местам выхода — «воронежские», «вятские» и др. В связи с этим, при реконструкции представлений, следует учитывать этническую принадлежность их носителей.

Работа основана на интервью, собранных этнографическими экспедициями Бийского и Барнаульского педагогических университетов в 1999—2004 гг. под руководством Л. А. Явновой и Т. К. Щегловой на территории десяти районов Алтайского края, а также полевых материалах, записанных автором в 2001—2006 гг. в шести районах края и Шемонаихинском районе ВКО. Также в исследовании использованы уже опубликованные этнографические и статистические источники.

Дети для крестьянской семьи являлись желанными. Семья без детей считалась неполноценной, рождение здорового потомства являлось целью брака. «Обери, Господи, все, только детей оставь» — гласила поговорка бухтарминских старообрядцев¹. Поэтому в брачном выборе большое значение придавали физическому здоровью, в первую очередь невесты, выбирали «по породе», особенно на это обращали внимание старожилы: «Румяная невеста — хороший брак»; «Муж жену здорову любит, брат — сестру богату»².

© Коляскина Е. А., 2008

¹ Герасимов Б. В долине реки Бухтармы // Записки Семипалатинского подразделения Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Семипалатинск, 1911. Вып. 5. С. 84.

² Материалы этнографической экспедиции Бийского педагогического государственного университета (далее МЭЭ БПГУ), 1999, Красногорский р-н; Полевые материалы автора (далее ПМА), 2003, Бийский р-н; Герасимов Б. Указ. соч. С. 83; Жигунова М. А. Материалы по свадьбе сибирских казаков // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 98; Куприянова И. В. Семейные обряды и обычаи // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 197; Сафьянова А. В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX — начале XX в. // Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989. С. 94.

Согласно восточнославянской традиции женское тело ассоциировалось с сосудом, отсюда происходит обычай, распространенный у всех этнокультурных групп русских Алтая, бить стакан или глиняный горшок на свадьбе после первой брачной ночи (целый, если невеста была девственницей, и поврежденный, если нет). Старообрядцы-«поляки» наливали вино родителям «честной» невесты из бутылки, наряженной в бордовое платье. «Австрийцы» в этом случае привязывали красную ленту к бутылке³. Во время родов действия повитухи были направлены на раскрытие сосуда — женского организма: роженице распускали волосы, на одежде развязывали все узлы, поили водой, пропущенной сквозь ствол ружья, или водой, в которой раскрывали замок, и т. д.⁴ Женский организм как сосуд содержал определенный «запас» детей, которых женщина в течение репродуктивного периода носила в себе и производила на свет. Данные представления нашли отражение в языке: «*понесла*» говорили о забеременевшей женщине; «*принесла*» — о родившей ребенка; «*скинула*» — о потерявшей; «*на себе пришло*», «*при себе имеешь*» — о регулах. Старожилы называли матку «*заложник*»⁵, т. е. место, куда поместили, *заложили* ребенка. Поэтому в отношении деторождения использовались глаголы, означавшие *освобождение, выход*: «*пускала*» (на белый свет. — *Е. К.*), «*выродила*», нередко добавляя «*всех, сколько было*». Многодетную женщину называли «*родивая*», т. е. плодовитая⁶. Представление о содержании в женском организме определенного «запаса» детей подтверждает и воззрение старожилов: если женщина сделает аборт, ее неродившиеся дети «сквозь ребра будут выглядывать»⁷.

Поскольку *женской долей* считалось выйти замуж и родить ребенка, деторождение влияло на статус женщины в крестьянском обществе. Со дня свадьбы и до рождения первенца женщину называли «*молодуха*», после — «*баба*» и обращались полным именем. У «*кержаков*», «*чалдонов*» и «*орловских*», если первым ребенком был мальчик, статус бабы женщина приобретала после рождения второго ребенка. Нами было зафиксировано только одно объяснение подобных взглядов: «Если она родит первого сына, она так *молодухой* и остается, а если девочку, то женщина... Если девочку родит, она старше становится, а мальчика, так *молодой* и остается». Возможно, девочке передавалась часть жизненной силы матери или ее предназначение оставить после себя продолжательницу рода считалось выполненным. С появлением внуков к женщине обращались «*бабушка*» или «*бабка*». По мнению одного из информантов, обращения «*баба*», «*бабушка*» были более уважаемы в Сибири, нежели «*женщи-*

³ МЭЭ БПГУ, 1999, 2002, Красногорский, Алтайский р-ны; ПМА, 2003, Бийский р-н; Мотузная В. И. Свадебный обряд староверов Солонешенского района // Солонешенский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 265.

⁴ МЭЭ БПГУ, 2000, Петропавловский р-н; ПМА, 2003, Кытмановский, Солтонский р-ны.

⁵ ПМА, 2003, 2005—2006, Бийский, Солтонский р-ны, ВКО; Архив лаборатории исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического университета (далее ЛИК БГПУ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Мамонтовский р-н, 2000, с. Мамонтово, Т. В. Волчкова, 1927 г. р.

⁶ ПМА, 2003—2006, Бийский, Солтонский, Шелаболихинский р-ны; ВКО.

⁷ ПМА, 2005, Шелаболихинский р-н.

на». Приобретение нового статуса могло маркироваться изменением внешнего облика: *шашмуру* — женский головной убор — «поморцы» надевали замужней женщине только после рождения ребенка, а не как у остальных этнокультурных групп русских во время свадебного обряда; казачки после рождения первенца вместо кос заплетали шишку⁸. С появлением ребенка молодожены у «поляков» переставали принимать участие в молодежных увеселениях⁹. Зависимость социального положения женщины (да и мужчины тоже) от осуществления репродуктивной функции свидетельствует о восприятии деторождения как особо важного явления в ее социальной жизни.

С представлениями о поре, благоприятной для начала осуществления репродукции женщиной, были связаны воззрения на возраст, оптимальный для вступления в брак. Возраст 16—20 лет у переселенцев и старообрядцев и 18—25 лет у православных старожилов представлялся оптимальным для вступления в брак и рождения первого ребенка. После 20 лет в среде переселенцев и 25 лет у старожилов девушка, не вышедшая замуж, получала статус «*засиделая*», «*старая дева*», «*перестарка*», ее шансы на замужество сокращались¹⁰. Говорили: «Девочка — изюминка, а брать надо (замуж. — Е. К.) зрелую, перезрелая — гнила, недозрелая — в семье дойдет»¹¹. Лексемы, употреблявшиеся для обозначения данной категории девушек, производны от понятия «*старость*» и ее характеристик, что позволяет нам предположить и качественную схожесть половозрастных групп «старые девы» и «старуха», поскольку старухой в русской традиции считалась женщина после наступления климакса, т. е. которая уже не могла родить детей¹². Вероятно, по аналогии и у «старой девы» должны были быть проблемы с деторождением, а это уже было большим изъяном девушки. И старожилы, и переселенцы считали, что свататься к такой девушке мог только вдовец, уже имеющий детей, целью заключения брака для которого являлось в первую очередь получить в дом хозяйку¹³. Женщина, не реализовавшая свою фертильность, считалась обладательницей магической силы, способной вызвать засуху, пожары, «порчу»¹⁴.

Отношение к плодородию, и в частности женскому, как к важному явлению отразил комплекс символики в материальной культуре русских Алтая. В

⁸ МЭЭ БПГУ, 2002, Алтайский, Целинный р-ны; ПМА, 2004—2006, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский р-ны, ВКО.

⁹ МЭЭ БПГУ, 2000, Солонешенский р-н; *Швецова М.* «Поляки» Змеиногорского округа // ЗЗСОИРГО. 1899. С. 50.

¹⁰ ПМА, 2001—2006, Кытмановский, Бийский, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский р-ны, ВКО; МЭЭ БПГУ, 2002, Целинный р-н; *Герасимов Б.* Указ. соч. С. 73.

¹¹ МЭЭ БПГУ, 2002, Целинный р-н.

¹² *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л., 1988. С. 68.

¹³ ПМА, 2001—2006, Кытмановский, Бийский, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский р-ны, ВКО; МЭЭ БПГУ, 2002, Целинный р-н; ЛИК БГПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 2004, Чарышский р-н, с. Чарышское, Лямкина Е. И. 1919 г. р.; *Литинская В. А.* Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. М., 1996. С. 229; *Герасимов Б.* Указ. соч. С. 73.

¹⁴ «Мудреная порча» // Алтайский крестьянин. 1914. № 35. С. 19—20.

первую очередь это орнаментальные мотивы в виде дерева и женской фигуры, самостоятельные и совмещенные изображения которых встречались на текстильных изделиях старообрядцев¹⁵. Древо жизни упоминается во многих мифах, где оно связано с сотворением мира, происхождением человека. Свастика и ромб были наиболее распространенными орнаментальными мотивами тканых украшений и вышивки русских Алтая, особенно старообрядцев¹⁶. По одной из версий, гребенчатый ромб назывался «роженница»¹⁷. Л. М. Русаковой была зафиксирована у «поляков» интерпретация, согласно которой данный символ являлся изображением совмещенных мирового дерева и женской фигуры¹⁸. Гребенчатый ромб также называли *лягушкой* (один из универсальных символов плодovitости¹⁹), изображавшей богиню в позе лягушки или рожавшей женщины (в семантическом плане аналогия лону Матери-сырой земли, порождающей силе плодородия)²⁰. Вообще, ромб являлся восточнославянским символом плодородия, берущим свое начало в языческих верованиях²¹. Некоторые исследователи считают, что на рубеже XIX—XX вв. рассмотренные орнаментальные мотивы уже утратили символический смысл и имели только декоративное назначение²². Однако приведенная выше интерпретация гребенчатого ромба, зафиксированная уже во второй половине XX в., свидетельствует о сохранности сакрального значения символа, по крайней мере у старообрядцев-«поляков».

Важность женской и мужской фертильности подчеркивает и множество обрядов продуцирующего характера, существовавших у русских Алтая. Например, языческий обычай старожилов во время Масленицы «курять» молодоженов в снег или обливать их водой для наделения плодovitостью²³. Масле-

¹⁵ Клокова Л. И., Живова Л. В., Дубровская М. В. и др. Традиционная культура старожилов Алтая и переселенцев // Залесовское Причумышье. С. 282—288; Куприянова И. В. Орнаменты вышивки на тканях Солонешенского района // Солонешенский район. С. 194, 195; Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989. С. 93; Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья. Новосибирск, 1997. С. 44.

¹⁶ Абрамова А. А., Вистингаузен В. К. Текстильные изделия с вышивкой из собрания Тальменского краеведческого музея // Этнография Алтая... Вып. 5. С. 242; Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 420, 423; Гончарик Н. П. Народное искусство Залесовского района в Государственном художественном музее Алтайского края // Залесовское Причумышье. С. 264—266; Памятники русской традиционной культуры в музеях Солонешенского района // Солонешенский район. С. 326, 328, 334, 338; Русакова Л. М. Указ. соч. С. 92.

¹⁷ Абрамова О. А. Русская традиционная культура Алейского района Алтайского края. Барнаул, 2002. С. 69.

¹⁸ Русакова Л. М. Указ. соч. С. 79.

¹⁹ Баранов Д. А., Мадлевская Е. Л. Образ лягушки в вышивке и мифопоэтических представлениях восточных славян // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999. С. 115. (Сб. МАЭ; Т. 57).

²⁰ Русакова Л. М. Указ. соч. С. 93.

²¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 180.

²² Куприянова И. В. Орнаменты вышивки на тканях Солонешенского района. С. 190.

²³ Куприянова И. В. Календарная обрядность // Залесовское Причумышье. С. 220; Мотузная В. И. Календарная обрядность русского населения Солонешенского района

ничные обряды в целом, по мнению казаков, влияли на потенцию их участников²⁴. Смысл обряда кумления девушек на Троицу, распространенного и на Алтае²⁵, по мнению В. Я. Проппа, заключался в приобщении женщин «к рождающей силе земли»²⁶. Акциональные и вербальные практики, которыми проникнут свадебный обряд второй половины XIX — первой трети XX в., должны были наделить новобрачных способностью к *обильному* деторождению. Орнаментальная отделка свадебного костюма была богата символикой плодородия. До конца исследуемого периода она сохранялась у старообрядцев²⁷. Согласно восточнославянской традиции повсеместно новобрачных осыпали зерном, казаки использовали также хмель и мак. Хмель использовался воронежскими переселенцами во время ритуала «повивания» невесты (смены девичьих головного убора и прически на женские, т. е. посвящения в статус замужней женщины). Это растение также фигурировало и в свадебном фольклоре²⁸. Отвар хмеля применялся в родильной обрядности, при «размывании рук» для наделения роженицы плодородием в дальнейшем²⁹. С языческих времен акт осыпания наделялся семантикой плодородия³⁰, как и зерно, и хмель, которыми он производился³¹. Свадебное дерево (наряженный березовый веник, елка), использование которого фиксируется практически на всей территории Алтая³², являлось символом священного родового дерева³³. Образ древа жизни — один из центральных мотивов свадебного фольклора. Во время благословения молодые стано-

// Солонешенский район. С. 302; *Фурсова Е. Ф.* Календарная обрядность восточнославянских народов в Приобье, Барабе и Кулунде: межкультурные взаимодействия и трансформации первой трети XX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004. С. 27.

²⁴ *Золотова Т. Н.* Масленичные обряды сибирских казаков // *Этнография Алтая...* Вып. 5. С. 102.

²⁵ ПМА, 2006, Тогульский р-н; *Мотузная В. И.* Календарная обрядность русского населения Солонешенского района. С. 305.

²⁶ *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. СПб., 1995. С. 140.

²⁷ *Мотузная В. И.* Свадебный обряд староверов Солонешенского района. С. 261.

²⁸ МЭЭ БПГУ, 1999—2002, Красногорский, Петропавловский, Солонешенский, Целинный, Алтайский р-ны; ПМА, 2005, Солтонский р-н; *Жигунова М. А.* Указ. соч. С. 100; *Сигарева М. Н.* Обряд повивания невесты как семантический комплекс // *Этнография Алтая и сопредельных территорий.* Барнаул, 2005. Вып. 6. С. 131.

²⁹ *Курсакова А. В.* Родильно-крестильная обрядность Бийского района // *Бийский район: История и современность.* Барнаул, 2005. Т. 1. С. 179.

³⁰ *Кагаров Е. Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности // *Сб. МАЭ. Л., 1929.* Т. 8. С. 171—176.

³¹ *Сумцов Н. Ф.* Символика славянских обрядов: Избр. тр. М., 1996. С. 178.

³² МЭЭ БПГУ, 1999—2002, Красногорский, Петропавловский, Солонешенский, Алтайский, Целинный р-ны; ПМА, 2001—2005, Кытмановский, Бийский, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский р-ны; *Мотузная В. И.* Свадебный обряд староверов села Боровлянка Заринского района // *Залесовское Причумышье.* С. 190.

³³ *Любимова Г. В.* Образ дерева в свадебной обрядности старожилов и переселенцев Сибири // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* Новосибирск, 1988. С. 410; *Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре.* СПб., 2005. С. 549.

вились на вывернутый овечий тулуп³⁴. Этот обычай считался магическим средством обеспечения плодородия женщины у различных народов³⁵. Употреблявшаяся в свадебном ритуале эсхрология и эротический фольклор обладали карпогонической магией³⁶. Обязательными блюдами на свадебном пиру считались «курник» (пирог с домашней птицей) и блюда из свинины. Существовал обычай выкупать жареного гуся или петуха у молодых³⁷. Свинья и курица, в представлениях русских крестьян, являлись очень плодовитыми животными³⁸. Во время свадьбы у российских переселенцев и «австрийцев» произносились приговоры и пожелания молодым многочисленного потомства: «Сколько пеньков — столько сынков, сколько кочек — столько вам дочек», «Полные сени деток» и т. д.³⁹ Существовали особые требования и к выбору места и времени первой брачной ночи и самой свадьбы. Обычно постель стелила свекровь или мать невесты, у «поляков» ряженая «родиха» (как бы беременная)⁴⁰, т. е. женщины, успешные в материнстве. Таким образом, успех в деторождении от этих женщин должен был передаваться новобрачной. Традиция заключать браки зимой (70—80 % браков) также была связана с заботой о будущем потомстве молодоженов. Первенец в таком случае рождался осенью, за зиму мог подрасти, окрепнуть, и быть более защищенным от эпидемических заболеваний, всплеск которых приходился на лето⁴¹. Из магических актов карпогонического характера, упомянутых Е. Г. Кагаровым⁴², в свадебном ритуале русских Алтая бытовали: купание невесты накануне свадьбы в бане, поедание молодыми соли, использование палок (во время выкупа невесты ее брат держал скалку в руках), разбивание посуды.

³⁴ ПМА, 2005, Солтонский р-н; *Мотузная В. И.* Свадебный обряд староверов села Боровлянка Заринского района. С. 192.

³⁵ *Кагаров Е. Г.* Указ. соч. С. 176; *Чеснов Я. В.* Парфеньевские бабы, или Антропология женского тела. М., 2003. С. 19.

³⁶ ПМА, 2004, Чарышский р-н; *Жигунова М. А.* Указ. соч. С. 99; *Куприянова И. В.* Семейные обряды и обычаи. С. 203.

³⁷ Бухтарминские старообрядцы. С. 166; *Зобнин Ф. К.* Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда // Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае. Усть-Каменогорск, 2004. С. 218; *Паньшина Н. Г.* Элементы свадебной обрядности в селах Бийского района // Бийский район. С. 204; ПМА, 2005—2006, Солтонский, Шелаболихинский р-ны, ВКО.

³⁸ *Шумов К. Э., Черных А. В.* Беременность и роды в традиционной культуре русского населения Прикамья // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 177.

³⁹ МЭЭ БПГУ, 1999, Красногорский р-н; ПМА, 2003, 2005, Бийский, Солтонский р-ны.

⁴⁰ МЭЭ БПГУ, 1999—2002, Красногорский, Петропавловский, Солонешенский, Целинный, Алтайский р-ны; ПМА, 2001—2005, Кытмановский, Бийский, Чарышский, Солтонский р-ны; *Мотузная В. И.* Свадебный обряд староверов Солонешенского района. С. 263.

⁴¹ *Зверев В. А.* Годовой круг деторождений в селениях Сибири: влияние природы, экономики и религии (вторая половина XIX — начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 33.

⁴² *Кагаров Е. Г.* Указ. соч. С. 171—176.

Многодетность для крестьян считалась нормой. Это было немаловажно, как в большесемейных коллективах, так и в малых семьях. Чем больше было детей в семье, тем больше рабочих рук, так необходимых в хозяйственных работах, тем крепче опора в старости. Как пели старожилы в одной из свадебных песен: «Принеси-ка, Катеринушка, мне сына, что *при младости на потеху*, а *при старости на замену...*»⁴³ Наличие пяти, а то и десяти детей в семье считалось нормальным явлением в исследуемый период⁴⁴. Одна из информанток привела воспоминание о своих родителях: «У них было восемь детей, они говорили: “У нас было мало, всего восемь”. Я все говорила: “А сколько же?” — “Ой, пятнадцать, шестнадцать рожали”»⁴⁵. По воспоминаниям другого информанта, в округе почти не было семей, где воспитывалось бы меньше пяти детей⁴⁶.

Большую роль в традиционных представлениях крестьян Алтая играло православное учение о деторождении как оправдании и очищении греховных интимных отношений супругов. «Во чреве я опять ношу плод грешной моей плоти», — думала героиня повести Г. Д. Гребенщикова казачка Елена⁴⁷. С народной точки зрения дети составляли божье благословение, а бездетность считалась божьим наказанием за грехи. Рождение и смерть детей воспринимались как проявление воли бога, в таком случае говорили: «Бог (не) дал» или «Бог дал, бог взял» (в случае смерти ребенка)⁴⁸. «У Верховина детей полна ограда, у Якуни, — *не дал бог ни одного. Дитенка не дал бог... Наказал за что-то. Скучно без дитенка. Ни к чему вся жизнь выходит*», — сетовал крестьянин Алтая, герой одного из рассказов⁴⁹. Отношение к деторождению как *божьему дару* нашло отражение в фольклорных сюжетах. Вот некоторые из них: «У одной женщины рук вот так не было, у нее вот здесь привязанный был ребенок, она брела через речку. Там сидит старый старичок, она ему говорит: “Деда”. Он муллит (говорит. — *Е. К.*) ей: “Доча, бери его, бери”, а она ему кричит: “Да как я возьму, у меня рук-то нету”. Она стала его брать, и у нее ручки появились, а это бог сидел, да»; «Ходит по земле (бог. — *Е. К.*), там не каждый раз, а ходит, ну и зашел к одной женщине, у *ней пятеро* вот таких вот, зашел: “У, миленькая, праздник ведь, что-нибудь стирается”. Она говорит: “Да, дедушка, как мне не стираться, у меня сегодня выходной, а их пятеро, когда же чего-то”. Он: “Ну ладно, ты подай мне что-нибудь”. Она последний кусочек разрежала, он не брал, она — нет, возьми, дедушка, возьми. А зашел к брату

⁴³ Гуляев С. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. СПб., 1848. Т. 90, ч. 1. С. 29.

⁴⁴ МЭЭ БПГУ, 1999—2001, Красногорский, Солонешенский, Алтайский, Целинный р-ны; ПМА, 2001—2006, Кытмановский, Бийский, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский, Тогульский р-ны, ВКО.

⁴⁵ ПМА, 2005, Солтонский р-н.

⁴⁶ ПМА, 2005, Шелаболихинский р-н.

⁴⁷ Гребенщиков Г. Д. Егоркина жизнь. <http://irbis.asu.ru/docs/altai/literature/greben/story.html>.

⁴⁸ МЭЭ БПГУ, 1999—2002, Красногорский, Петропавловский, Солонешенский, Алтайский, Целинный р-ны; ПМА, 2001—2005, Кытмановский, Бийский, Чарышский, Солтонский р-ны.

⁴⁹ Гребенщиков Г. Д. Якуня-Ваня. <http://irbis.asu.ru/docs/altai/literature/greben/story.html>.

богату, к ее брату, он его к черту послал. Потом у брата ничего нету, а у нее на столе жар горит, всего полно. Вот это бог был»⁵⁰. Символика материнства в народном сознании наделялась магическими свойствами, способными исцелять недуги, блокировать опасность, страх. Нам удалось записать молитву «Сон Пресвятой Богородицы», которая считалась защитницей от всех жизненных неурядиц: «Во граде Иерусалиме в большой церкви на престоле, спала и почивала *Матушка* Пречиста Пресвятая *Богородица*, сновиденье видала про своего сына возлюбленного, как бы его жиды поймали, на горе, на Артепе, над рекой на Иордане, взяли бы его на муки. Мучили, терзали, плевали, каркали, на три древа распяли, на кедр, на педро, на древо кипарис, и в руки и в ноги гвоздей набивали, белую грудь гужлом пробуждали, в камень пещеры закладывали. На третий день по писанию святому Иисус Христос из гроба воскрес. Идут и поют с Михайлом Архангелем стихи сарасимски, голоса новосиимски, идут и поют во ету соборну, святую, апостольску церкву: “*Мати* моя, спишь или нет?” — “Сплю и не сплю, ну и паче так лежу, сон мне приснился про своего сына возлюбленного”. И начинать его надо сначала. Он ей и отвечает: “Взять этот сон, списать этот сон на три книги евангельские, положить этот сон в престол иерусалимский, запечатать этот сон тремя крестами, пяти пятяярками. Кто этот сон поймет, да помилует, трижды раз в день прочтет, *да отца, мать почтет*, не будет тот раб, на огне не сгорит, на воде не утонет, суду судом не обсужден и от всякой напасти сохранен...”⁵¹ Или другой заговор, который также произносился от имени Божьей Матери: «Облако, нам скатись. Небо, растворись. Батюшка Иисус Христос, с неба спустись. Вынеси, батюшка Иисус Христос, триста стрел, триста пуль каленых, пристреливай у рабы божьей (сына или дочки) все скорые болезни, все щикотиши, ломотиши, худобиши, все страхи, все переполохи. И свет родимся, создавать я вас... из горячих кровей. И сама эти слова я прочла, прочла *Пресвятая Богородица*...»⁵² Существовало также представление о лечебной роли «родового места». Например, существовал способ профилактики паховой грыжи у новорожденного: во время родов, когда «послед отходит и этим последом нашаркаешь шулюшки (мужские гениталии. — *Е. К.*) ребенку, никогда грыжи не будет»⁵³. Нами был зафиксирован также прием «пронимальной магии» (вещи с отверстием и сама операция пронимания — протаскивания в отверстие, пролития воды и т. п. — воспринимались как знак «родов»/«материнства»⁵⁴): «Пекут калач, протаскивают через него ребенка 3 дня подряд, 3 калача. Старшая сестра подавала ребенка, младшая принимала. Потом старшая кидала его [калач] собаке на отмах. Светлый ребенок — белой (собаке. — *Е. К.*), черный — черной»⁵⁵.

⁵⁰ ЛИК БГПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Бийский р-н, 2003, с. Новиково, Емельянова Н. Ф., 1927 г. р., Золотухина П. Д., 1919 г. р.

⁵¹ ПМА, 2005, Шелаболихинский р-н.

⁵² ЛИК БГПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Чарышский р-н, 2004, с. Чарышское, Лямкина Е. И., 1919 г. р., старообрядка.

⁵³ ПМА, 2005, Солтонский р-н.

⁵⁴ *Щепанская Т. Б.* Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры... С. 149.

⁵⁵ ПМА, 2003, Бийский р-н.

Вместе с тем следует отметить, что отношение к деторождению отличалось неоднозначностью. Появление ребенка в многодетной, бедной семье воспринималось как явление обременительное⁵⁶. Б. В. Герасимов записал у бухтарминских старообрядцев правило поведения для избегания чрезмерной многодетности: «С какого конца заходишь за стол, с того же и уходи; если будешь выходить с другого конца, много у тебя детей народится»⁵⁷. М. Швецова отмечала в конце XIX в., что для «бергалов» (горнозаводские рабочие и их потомки) дети являлись большей частью обузой, даже мальчишки, поскольку помощь их в хозяйстве была ничтожной, а затраты на воспитание очень значительными⁵⁸. Что же касается влияния пола ребенка на отношение к нему родителей, то сведения на данный счет также противоречивы. По мнению А. В. Сафьяновой, на Алтае, как и повсеместно в России, рождению сына радовались больше, чем дочери⁵⁹. Полевые материалы свидетельствуют, что существовало отношение к мальчику как к продолжателю рода, но в связи с трудоемкостью хозяйственных женских обязанностей ценность рождения дочери была не меньшей, чем сына, ведь до замужества она была первой помощницей матери по хозяйству, а в случае необходимости могла выполнять и мужские работы. Кроме того, на Алтае, в отличие от Европейской России, крестьяне практически не страдали от малоземелья. К тому же первоначально на Алтае отмечалась нехватка женского пола⁶⁰.

Деторождение воспринималось как *нормальное* явление в жизни женщины, происходившее на всем ее протяжении, весь репродуктивный период. Алтайский писатель Г. Д. Гребенщиков в литературно-этнографическом очерке «Река Уба и убинские люди» и очерке «О деревенской бабе» нарисовал образ типичной крестьянской бабы конца XIX — начала XX в., «истощенной детьми»⁶¹. Полевые материалы свидетельствуют, что рождение женщиной ребенка после сорока лет не являлось редкостью. Достаточно часто встречаются рассказы об одновременном рождении дочерью и матерью или снохой и свекровью⁶². Так, в 1928 г. в сельской местности Бийского округа (юго-восточная часть современного Алтайского края) 8,1 % рожениц были в возрасте 40 и более лет⁶³.

⁵⁶ ПМА, 2006, ВКО.

⁵⁷ Герасимов Б. Указ. соч. С. 93.

⁵⁸ Швецова М. Из поездки в Ридерский край // ЗЗСОРГО. Омск, 1898. Кн. 25—26. С. 11.

⁵⁹ Сафьянова А. В. Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX — XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 54.

⁶⁰ ЛИК БГПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Зональный р-н, 2002, с. Соколово, Рыбникова А. С., 1909 г. р., Бийский р-н, 2003, с. Новиково, Иванникова А. К., 1911 г. р.; ПМА, 2005—2006, Солтонский р-н, ВКО.

⁶¹ Гребенщиков Г. Д. Река Уба и убинские люди; О деревенской бабе. <http://irbis.asu.ru/docs/altai/literature/greben/story.html>.

⁶² ПМА, 2004—2006, Чарышский, Шелаболихинский, Солтонский р-ны, ВКО; ЛИК БГПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 2003, Бийский р-н, с. Новиково, Иванникова А. К., 1911 г. р.

⁶³ Подсчитано автором по материалам архивного отдела Администрации г. Бийска (Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. Л. 88).

Рождение детей являлось частью повседневности, забеременев, женщина продолжала выполнять свои хозяйственные обязанности, которые также считались жизненно необходимыми. Если в семье хватало рабочих рук, то ее освобождали от тяжелых физических работ. Обычно это зависело от состава семьи и царивших там отношений. В большой семье, где женскую работу могли перераспределить, это случалось чаще, чем в маленькой, где заменить женщину в хозяйственных работах было некому. Поэтому у переселенцев, у которых реже, чем у старожилов, встречались большесемейные коллективы, беременные женщины чаще продолжали работать в поле, нередко рожали прямо на поле⁶⁴. К тому же некоторые старожилы, например бухтарминские старообрядцы и убинские казаки, имевшие зажиточные и середняцкие хозяйства, для выполнения полевых работ нанимали работников, поэтому женщины в основном занимались домашним хозяйством⁶⁵. «Полячки» участвовали только в сеноуборке и жатве хлебов⁶⁶. Выполнение хозяйственных работ до последнего дня беременности было характерно и для старожилок, и для переселенок. Считалось даже, что активность женщины во время беременности, в том числе и непосредственно в период схваток, способствовала легким родам⁶⁷: «Мама говорит, ходи (между схватками. — Е. К.) по одной плашке взад-вперед»; «Они, наоборот, говорили, надо помаленьку двигаться, не сидеть»⁶⁸. Т. Б. Щепанская видит в активной позиции беременной женщины средство противостояния навязываемой ей традицией роли роженицы как больной, пассивной, самоуглубленной⁶⁹. В большей степени хозяйственная активность женщины ограничивалась первое время после родов, что имело практическое и сакральное значение. В этот период во всех этнокультурных группах русских Алтая приходили родственницы и соседки *на зубок, на кашу*; приносили выпечку и могли помочь по хозяйству⁷⁰.

Поскольку женская фертильность представлялась божественным даром, изменение репродуктивного поведения у русских Алтая считалось страшным

⁶⁴ МЭЭ БПУ, 1999—2002, Красногорский, Петропавловский, Солонешенский, Алтайский, Целинный р-ны; ЛИК БПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Мамонтовский р-н, 2000, с. Мамонтово, Волчкова Т. В., 1927 г. р., сибирячка; ПМА, 2001—2005, Кытмановский, Бийский, Чарышский, Солтонский р-ны.

⁶⁵ Бухтарминские старообрядцы. С. 44, 399; *Притц А.* Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // ЗИРГО. По общей географии. СПб., 1867. Т. 1. С. 581.

⁶⁶ Из неописанных фондов Шемонаихинского историко-краеведческого музея. Воспоминания о прошлом П. Медведева (с. 17).

⁶⁷ МЭЭ БПУ, 1999—2002, Красногорский, Петропавловский, Солонешенский, Алтайский, Целинный р-ны; ЛИК БПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Мамонтовский р-н, 2000, с. Мамонтово, Волчкова Т. В., 1927 г. р., сибирячка; ПМА, 2001—2005, Кытмановский, Бийский, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский р-ны.

⁶⁸ ПМА, 2005, Шелаболихинский р-н.

⁶⁹ *Щепанская Т. Б.* Мифология социальных институтов: родовспоможение // Мифология и повседневность. СПб., 1999. Вып. 3.

⁷⁰ ПМА, 2001—2006, Кытмановский, Бийский, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский р-ны, ВКО; *Герасимов Б.* Указ. соч. С. 57.

грехом. Информанты отмечают, что в деревне детей не подкидывали, а сирот было принято брать на воспитание родственникам или односельчанам. Это происходило в случае смерти обоих или одного из родителей, когда было тяжело в одиночку воспитывать ребенка. В основном брали на воспитание детей бездетные пары, но и супруги уже их имевшие не оставляли сирот без помощи: «Пятеро было, да шестого брали они... Он такой же родной»; «Брали, но не очень много... Ну никто тогда не кидал, бедных тогда много было и беспризорные тогда были, подбирали»; «Мне было семь недель, а у ей [у приемной матери информанта] девочка померла, у ей семеро было детей, вот эта девочка была восьмая, и нас двоих с братом взяла»⁷¹.

Из рассмотренных нами представлений следует, что человек не должен был ограничивать свою репродукцию. По мнению В. А. Зверева, в селениях Сибири второй половины XIX — начала XX в. регуляторами зачатия являлись: биологический фактор, природно-климатическая среда, хозяйственная специфика образа жизни крестьян и религиозная традиция⁷². Как видим, данные факторы носили, преимущественно, внешний, объективный характер, представляли собой, так сказать, влияние обстоятельств. Субъективным фактором регуляции деторождения было воздержание, контролируемое самой женщиной, избежавшей половой активности в определенные периоды. Ориентировалась она при этом на культурную традицию, которая включала в себя и религиозные предписания — воздержание в постные дни и праздники⁷³. Отметим, что русские Алтая не всегда строго соблюдали данные запреты, что нашло отражение в понятии «птичий грех», т. е., как объясняют информанты, «в этом греха нету, это у всего живого»⁷⁴. Что же касается контрацепции и искусственного прерывания беременности, то к ним относились как к «великому греху», за который будешь кипеть в аду: «Великий грех делать аборт»; «Аборты делать бог не велел»; «Боялись бога... Греха боялись»⁷⁵. Даже «роптать» на новорожденный плод считалось грехом⁷⁶. Особой радикальностью взглядов на этот счет отличались старoverы. Так, Б. Герасимов писал, что у бухтарминских старообрядцев было «три самых великих греха», первым из которых считалось «дитя исчадить» (аборт)⁷⁷. По рассказу информантки, деревенский врач предлагал ее матери «лекарство, чтоб детей больше не было. Свекровка его выгнала и сказала маме, чтоб та не смела этого делать, очень сильно ругала»⁷⁸. Аборт в созна-

⁷¹ МЭЭ БПГУ, 2000, Петропавловский р-н; ЛИК БПГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 2002, Зональный р-н, с. Соколово, А. С. Рыбникова, 1909 г. р.; ПМА, 2003, 2005—2006, Бийский, Солтонский р-ны, ВКО.

⁷² Зверев В. А. Семейный демографический календарь: годовой цикл свадеб, рождений и смертей в селениях Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) // Семья в ракурсе социального развития. Новосибирск, 2001. С. 136.

⁷³ ПМА, 2003, Бийский р-н; Зверев В. А. Годовой круг деторождений... С. 34.

⁷⁴ ПМА, 2004, Чарышский р-н.

⁷⁵ МЭЭ БПГУ, 2002, Алтайский р-н; ПМА, 2003—2006, Бийский, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский, Тогульский р-ны, ВКО.

⁷⁶ Гребенчиков Г. Д. Егоркина жизнь.

⁷⁷ Герасимов Б. Указ. соч. С. 97.

⁷⁸ ПМА, 2003, Бийский р-н.

нии женщины до сегодняшнего дня ассоциируется если не с грехом, то со смертью, страхом, неминуемым наказанием, лишением женщины в будущем возможности материнства. Об этом свидетельствуют следующие рассказы информантов: «Сами аборт делали, но многие стали *помирать, боялись*»; «Вот Клава сделала аборт... Она *больше не рожала*... В Шелаболихе одна ездила, делала аборт, *пострадала*, но потом ее все же *посадили*... за аборт»; «Это меня *бог наказал*... Я аборт сделала, да чуть не *сдохла*... Из-за этого у меня детей нет, разве бы у меня один сын был»⁷⁹. Имперское законодательство способствовало закреплению отрицательного отношения к абортам, строго наказывая за их производство⁸⁰.

Считая аборт грехом, женщины, тем не менее, в силу ряда причин к нему прибегали. Изгнание плода совершали девицы, вдовы или замужние женщины, имевшие внебрачные связи, т. к. эти связи, а тем более рождение внебрачных детей, считались не только большим грехом, но антиобщественным поведением, которое строго наказывалось, как по церковной норме, так и согласно традиции русских Алтая⁸¹. В сельской среде рождение внебрачных детей-*суразов* считалось ненормальным и позорным явлением. Репутация такого ребенка, его матери и их семьи была загублена навсегда⁸². Недаром в Сибири слово «*сураз*» употреблялось в значении «беда», «бедовый случай», «удар»⁸³. Только у представителей старообрядцев-самодуровцев было зафиксировано лояльное отношение к рождению девушкой ребенка до брака⁸⁴. После коллективизации, с вовлечением женщины в общественное производство, и «порядочные», «замужние» женщины стали прибегать к абортам, но уже не как к средству скрыть нежелательную беременность, а как к средству регуляции деторождения, применявшемуся женщинами, уже имевшими детей, которым не нужно их было «так много», как предыдущим поколениям: стало «воспитывать тяжело»⁸⁵. Это было связано с рядом факторов. Во-первых, антирелигиозная кампания привела к ослаблению позиций религиозной морали, на которой была основана традиционная система регуляции зачатия. Этот фактор менее всего сказался на представи-

⁷⁹ ПМА, 2005, Шелаболихинский, Солтонский р-ны.

⁸⁰ Уложение о наказании. Ст. 1461—1462 // Законы о женщинах. СПб., 1899. С. 97.

⁸¹ ПМА, 2003—2006, Бийский, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский, Тогульский р-ны; Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. С. 58, 59, 335; *Куприянова И. В.* Семейные обряды и обычаи. С. 207; *Сафьянова А. В.* Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX — начале XX в. С. 96.

⁸² МЭЭ БПГУ, 1999—2002, Красногорский, Петропавловский, Солонешенский, Целинный, Алтайский р-ны; ПМА, 2001—2006, Бийский, Чарышский, Шелаболихинский, Тогульский р-ны, ВКО; *Курсакова А. В.* Семейные традиции и обряды в воспоминании И. И. Бондаревой // Этнография Алтая... Вып. 6. С. 272; *Липинская В. А.* Указ. соч. С. 109; *Притц А.* Указ. соч. С. 581.

⁸³ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1965. Т. 4. С. 362.

⁸⁴ *Швецова М.* «Поляки» Змеиногорского округа. С. 50—51.

⁸⁵ ПМА, 2001—2006, Кытмановский, Бийский, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский, Тогульский р-ны, ВКО; МЭЭ БПГУ, 2002, Алтайский р-н.

телях старообрядчества. Во-вторых, женщине стало необходимо совмещать традиционный круг обязанностей с работой на общественном производстве. В-третьих, основным типом семьи уже в начале XX в. на Алтае стала маленькая, в которой вся тяжесть женской работы и воспитания детей ложилась на одни плечи, в отличие от больших семей, где за детьми могли присмотреть старики, а хозяйственные обязанности в период беременности можно было перераспределить между другими женщинами⁸⁶ (в середине 1930-х гг. семьи, состоящие из трех поколений, составляли 31 %, а из двух поколений — 52 %⁸⁷). В 1920 г. было признано право женщин на аборт по медицинским и социальным показаниям⁸⁸. Государство проводило репрессивную политику по отношению к нелегальным абортам (в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. появилась ст. 146 — «Изгнание плода»). Так, в 1926 г. в Бийском уезде по этой статье были осуждены две женщины⁸⁹, но искусственное прерывание беременности оставалось в большей степени явлением самодеятельным, поскольку сеть медицинских учреждений была недостаточно развита. Введенный в 1936 г. запрет на искусственное прерывание беременности (кроме аборт по медицинским показаниям)⁹⁰ не исправил положение, а лишь заставил возвратиться к антисанитарным условиям его производства.

Подводя итоги, следует отметить, что отношение русских Алтая к деторождению являлось неоднозначным, зависимым от этнической принадлежности и материального положения.

⁸⁶ ПМА, 2003, Бийский р-н; *Зверев В. А.* Годовой круг деторождений... С. 34.

⁸⁷ Подсчитано автором по материалам архива сельского Совета с. Ново-Иушино Тогуйского р-на Алтайского края. Похозяйственная книга 1934—1936 гг.

⁸⁸ Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 30. Ст. 471.

⁸⁹ Материалы архивного отдела Администрации г. Бийска. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.

⁹⁰ О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве об абортах: Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss6511.htm>.

ГЕНДЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Н. Л. Пушкарева

ГЕНДЕРНАЯ НЕЙТРАЛЬНОСТЬ ИЛИ РАВНОДУШИЕ? (К итогам экспертизы учебной литературы по истории 1990—2000-х гг.)

Включение феминистского и гендерного дискурсов в изыскания наук о прошлом могло бы сильно повлиять на обновление методологической базы и тематической направленности исследований, открыть новые перспективы для расширения исследовательского поля¹. Однако при обращении к учебникам истории для вузов, изданным под грифом Министерства образования РФ и рекомендованным им, гендерная экспертиза «учебных текстов для самостоятельной работы», «книг для чтения» и другой учебной литературы дает весьма пессимистичную оценку итогов развития женских и гендерных исследований в отечественной исторической науке. Такое ощущение, что признанное за рубежом направление научных изысканий историкам в России вообще неизвестно, при том, что гендерная экспертиза учебников по истории уже не раз привлекала внимание исследователей как в столице², так и в региональных университетах³, и на серьезное отставание в этой области наук о прошлом от социологии, психологии, лингвистики, литературоведения, философии уже не раз указывалось в нашей историографии.

«Тексты по истории не просто отражают историческую реальность, но и создают ее», — размышляет историк из Ивановского государственного университета Т. Б. Рябова, полагая, что написание истории как «истории мужчин» имеет большую и давнюю историографическую традицию. Чему же удивляться в этом контексте: весь большой опыт, накопленный за 25 лет гендерными ис-

© Пушкарева Н. Л., 2008

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 07-01-90100 а/Б «Гендерные системы Беларуси и России, 1991—2007: (нео)патриархальность или возврат к традиционным ценностям».

² *Зверева Г. И.* Формы репрезентации русской истории в учебной литературе 1990-х гг.: Опыт гендерного анализа // Пол. Гендер. Культура / Э. Шоре, К. Хайдер. М., 1999.

³ См.: *Бородин Д. Ю.* Преподавание истории с позиций гендерного подхода // Гендерная экспертиза учебников для высшей школы / Под ред. О. А. Ворониной. М., 2005. С. 213—219; *Рябова Т. Б.* Гендерная экспертиза учебников и учебных пособий по истории // Там же. С. 123—141.

следованиями в РФ, остался фактически невостребованным авторами практически всех вышедших в 1990-е — начале 2000-х гг. учебных пособий⁴.

Особенности воссоздания отечественной истории в современных учебниках по истории трудно не назвать симбиозом марксистско-ленинского социально-экономического детерминизма и традиций государственной школы отечественной историографии⁵. Поскольку в традициях историописания, сложившихся за три века существования истории как науки, основным является описание государственных институтов и идеологии (Россия — страна идеократическая), постольку Личность, Человек, его интересы и повседневность никогда не были раньше и не стали сейчас частью учебных текстов. Потому-то нет в ней и «женской составляющей», не говоря уже об истории сексуальной культуры⁶. Лишь в одном из учебных пособий встретила «главка», посвященная отношениям мужчин и женщин, а также истории сексуальности в России. Но автор написал ее умозрительно, будто и не догадываясь о наличии обширной литературы по заявленной тематике⁷. Отсутствие женских имен и женкой темы на страницах учебников компенсируется, по мнению ряда исследователей, неким «гендерным кодированием» всей русской истории в целом, одушевлением России с приданием ей «определенных гендерных признаков», а именно «женских телесных и психических свойств»⁸.

Крайне редки во введениях к учебным текстам какие-либо рассуждения об истоках гендерной асимметрии. Большинство учебников тиражирует старую (бахофенскую) идею о существовании матриархата. Особенно часто это встречается в учебниках по истории культуры — по крайней мере, в связи с анализом изображений первобытных «Венер»⁹ (хотя в обществах, поддающихся историческому исследованию, не найти даже слабых следов матриархата, он не более чем миф). Неудивительно, что рука об руку с подобным восприятием «разделения властей» между полами в истории идет описание патриархальности без всяких отрицательных коннотаций или намеков. Русская семья оставалась патриархальной, еще долгое время руководствуясь «Домостроем» — старинным сводом житейских правил и наставлений.

Участие археологов и этнографов в написании учебников по истории России для вузов нашло отражение в короткой информации о таком явлении, как патриархат, который представлен почему-то только как «счет родства по отцу», а главной чертой патриархальной семьи обозначено то, что она «основана на частной собственности». Никаких упоминаний о том, что гендерное неравенство было исторически первой формой общественного неравенства, а

⁴ Рябова Т. Б. Указ. соч. С. 123.

⁵ Бородин Д. Ю. Указ. соч. С. 214.

⁶ Показательно, что в учебниках по культурологии и истории культуры тема сексуального практически исключена — даже когда речь идет об Индии, Китае и античности. См.: Шишова Н. В. История и культурология: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2000. С. 62—96.

⁷ Шаповалов В. Ф. Россияведение. М., 2001. С. 285—332.

⁸ Зверева Г. И. Указ. соч. С. 174—175.

⁹ Шишова Н. В. Указ. соч. С. 50.

уж тем более информации о том, как оно возникло и может ли быть преодолено, в учебниках не найти¹⁰. Зато упоминаются поли-, эндо-, экзогамия, а также вено (выкуп за невесту)¹¹.

Скудость упомянутых женских имен на страницах учебников — первое, что бросается в глаза при обращении к их текстам.

Догосударственный период в русской истории представлен десятками имен божеств, первооснователей, вождей и разбавлен именем единственной из упоминаемых богинь — Мокоши (Макоши)¹² (про Лыбедь, стоявшую у истоков древнерусской государственности наряду с Кием, Щеком и Харивом забыли абсолютно все).

Допетровский период представлен именами великой княгини Ольги (практически во всех учебниках, особенно в связи с описанием ее мести древлянам) и, как говорится, с большим отрывом (примерно в 30 % учебных пособий) — царевны Софьи. При этом даже выдающиеся деяния женщин (скажем, проведение первой в русской истории финансово-административной реформы — именно так стоит понимать установление великой княгиней Ольгой «погостов», мест сбора дани, что должно было происходить с определенной периодичностью, крещение Ольги в Константинополе) оцениваются проходными фразами или не замечаются вовсе. Любопытно, что единственная и наиболее подробная оценка крещения великой княгини Ольги, которому придана большая значимость, имеется в учебнике, написанном В. В. Жириновским¹³. В учебниках последнего времени чаще стало упоминаться о том, что княгиня Ольга — первая княгиня-христианка¹⁴ (ранее эта тема обходила авторы¹⁵). Зато начисто исчезли имена дочерей Ярослава Мудрого, внучек Владимира Мономаха (ранее они встречались в учебниках как символы династической политики Древнерусского государства¹⁶). Имя Улиты Кучковны — супруги вели-

¹⁰ Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. История России с древнейших времен до конца XX в. М., 2001. С. 19; Потатуров В. А. и др. История России. Екатеринбург, 2003. С. 53.

¹¹ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 53.

¹² Моряков В. И., Федоров В. А., Щетинов Ю. А. История России: Пособие для старшеклассников и абитуриентов. М., 1998. С. 5.

¹³ Жириновский В. В., Спицин Е. С. История России с древнейших времен до конца XIX в. М., 2000. С. 54.

¹⁴ История Отечества: Учеб. пособие для студентов заочных отделений / М. В. Зотова. М., 2000. С. 17; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 43; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 60; Зуев М. Н. История России. М., 2000. С. 19.

¹⁵ Борисов Н. С., Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. Ключ к истории Отечества. М., 1993. С. 4.

¹⁶ Имя лишь одной из них — Анны, ставшей королевой Франции, приведено в паре учебных текстов наряду с упоминанием жены-шведки самого Ярослава Мудрого (о том, что ее звали Ингигерда-Ирина, почему-то данных нет). См.: Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 71; Зуев М. Н. Указ. соч. С. 32. Перечислены и две другие дочери — жены западных правителей, а также дочери и внучки Владимира Мономаха. Указывается, что «дочь Ярослава Мудрого — Анна, 978—1054, одна из первых грамотных

кого князя Андрея Боголюбского, участвовавшей в заговоре против мужа и его убийстве, также не упомянуто, хотя сам по себе эпизод оказался вписанным в ткань изложения в одном из учебных пособий¹⁷.

Крайне редко встречаются имена — Ефросиньи Ярославны и Анны Романовой-Галицкой (XII в.)¹⁸, Кончаки (Агафьи)¹⁹, Евдокии Дмитриевны (жены Дмитрия Донского). Учащиеся никогда не узнают из учебников о том вкладе, который был сделан женщинами в историю летописания (Мария Ростовская), медицины (Добродея-Зоя), воспитания учености и книжности (Евфросинья Полоцкая, Ксения Тверская), привлечения лучших художников и архитекторов на московские земли (Софья Палеолог). В единственной книге есть упоминание о подвиге Авдотьи-Рязаночки²⁰ (фольклорного персонажа), однако ж имя Евпатия Коловрата встречается в куда большем числе пособий.

Обратный (положительный) пример являют учебники М. Н. Зуева, В. В. Жириновского и Е. Спицина, в которых всякий раз, когда династический брак давал политическому деятелю XIII—XV вв. выигрышные шансы, женщины оказываются подробно поименованными (Марфа Борецкая, Елена Стефановна Волошанка, Софья Фоминишна Палеолог и т. д.)²¹. При полном равнодушии создателей учебных текстов к истории Марфы Борецкой и отсутствию каких-либо упоминаний о создании ею антимосковского заговора в Новгороде в конце XV в. читателю довольно трудно понять, кем же была Марфа Посадница? Почему она стала героиней былинного эпоса и художественных произведений?²² (И это при том, что некоторые историки прошлого, в том числе А. И. Герцен, называвший ее «величавой республиканкой», считали личный вклад этой женщины в русскую историю конца XV в. весьма заметным.)

В одном из учебников — при отсутствии какой-либо информации о Софье Палеолог и ее вкладе в русскую культуру (строительство соборов московского Кремля) — встретилось имя дочери Ивана III — Елены и отмечен ее вклад в дело сдерживания русско-польской войны в первые годы XVI в.²³ Ни в одном другом учебном пособии о Елене Ивановне — королеве польской, княжне литовской, дочери русского царя — ни слова.

женщин, ставшая королевой Франции...» См.: История России: Учеб. пособие / Л. И. Семенникова. М., 2003. С. 109.

¹⁷ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 91—92.

¹⁸ Жириновский В. В., Спицин Е. С. Указ. соч. С. 84; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 66.

¹⁹ См., напр.: Керов В. В. История России: Учеб. минимум для абитуриента. М., 2003. С. 72—73.

²⁰ Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 60.

²¹ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 74; Жириновский В. В., Спицин Е. С. Указ. соч. С. 84, 104, 137, 152, 158 и др. Некоторые из упомянутых имен см. также в учебниках: История Отечества / М. В. Зотова. С. 30; Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 84 С. 56.

²² Именно такая ситуация с учебником А. П. Деревянко: о самой Марфе Борецкой в изложении русской истории XV в. ни слова, а о фольклорном персонаже упомянуто. См.: Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 649.

²³ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 119.

Странно, что при изложении политической истории XVI—XVII вв. число упоминаемых женских имен не возрастает, а падает. В большинстве же анализируемых учебных пособий древнерусские женщины упоминаются безымянно, как чьи-то жены (реже — матери, сестры). Даже история междоусобных войн, предшествовавших складыванию единого Русского государства, удивительным образом обходится без упоминаний о том, что женщины могли быть провокаторшами тех или иных межкняжеских конфликтов (как то случилось в XV в. в семье великого князя Василия Дмитриевича) и сами же затем от них страдали. Обучившиеся русской истории по современным учебникам не поймут содержания картин известных художников прошлого — А. П. Лосенко «Владимир и Рогнеда»²⁴, В. И. Сурикова «Боярыня Морозова», поскольку имена этих женщин практически отсутствуют в современных учебных текстах и хрестоматиях²⁵. Чуть больше повезло Марине Мнишек — и то, полагаю, по причине связанности ее имени (хотя она и была не русской женщиной, но женщиной, связавшей свою судьбу с несколькими русскими авантюристами) с гениальным произведением А. С. Пушкина, которое если не проходят в школе, то точно знают благодаря фильму.

Даже имена русских женщин, формально стоявших у власти (в годы, когда Василий II Васильевич или Иван IV Васильевич, будущий Грозный, были маленькими), — великая княгиня Софья Витовтовна, великая княгиня Елена Васильевна Глинская — оказываются за пределами текстов учебной литературы²⁶. В лучшем случае — глухое упоминание²⁷, в худшем — появление вместо поименованных героинь прошлого безымянных «жен» и «дочерей»: «...Растет международный авторитет московских князей (Василий I был женат, к примеру, на дочери великого литовского князя Витовта)...»²⁸. Как звали ту дочь? Действительно ли не стоит поминать ее имя? На эти вопросы ответов нет.

В ряде учебников и о жене правнука вышеупомянутой Софьи Витовтовны Василия III, Елене Глинской, сказано лишь, что она была «княгиня-вдова», которая «продолжила дело мужа» («осмотрительного, но настойчивого Василия III»), но никаких личных характеристик ее правлению в учебнике дадено не было²⁹. Вообще личных характеристик женщины-правительницы (правив-

²⁴ Картина упомянута, ее героиня — нет (чем известна Рогнеда?). См.: Зуев М. Н. Указ. соч. С. 204.

²⁵ Исключения редки. Рогнеда и Ф. П. Морозова вообще не удостоились упоминаний, Софья Витовтовна и Марфа Борецкая (Посадница) упомянуты в кн.: Жириновский В. В., Спицын Е. С. Указ. соч. С. 136, 145 (имя Марфы Посадницы выделено жирным шрифтом и ее деятельность удачно представлена абзацем); ср. также: Зуев М. Н. Указ. соч. С. 109 («вдова новгородского посадника и фактически глава боярских кланов»); История России / А. Н. Сахаров. М., 2007.

²⁶ Учебники, в которых хорошо описан период правления Елены Глинской: Керров В. В. Указ. соч. С. 99—100; Жириновский В. В., Спицын Е. С. Указ. соч.

²⁷ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 125, Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 66; История России / Л. И. Семенникова. С. 150.

²⁸ Данилов А. А. История России с древнейших времен до наших дней в вопросах и ответах. М., 2003. С. 17.

²⁹ Борисов Н. С. и др. Указ. соч. С. 20.

шие в ранние века, до «эпохи русского матриархата», XVIII в.) не удостаиваются, хорошо, если те или иные мероприятия того времени (скажем, губная или денежная реформа во времена регентства Глинской) связываются с их именем — чаще же в окружении правительницы непременно находят мужчин (в случае с Глинской иногда упоминают ее дядю М. Л. Глинского³⁰, иногда — фаворита — И. Телепня-Оболенского), которым и приписывают государственную мудрость и прозорливость. Краткая и емкая характеристика великой княгини и царицы Елены Васильевны есть в учебнике В. В. Керова — одна из самых удачных³¹.

Исключение составляет учебник по русской истории, написанный В. В. Жириновским и его соавтором, в котором женские имена оказываются неотъемлемой частью русской политической истории и допетровского времени, в особенности XVIII в. В ряде случаев их политическому участию даны высокие оценки и лестные характеристики (Софья Фоминишна Палеолог, Елена Васильевна Глинская)³². Подробная характеристика времени правления Глинской дана и в учебнике А. П. Деревянко (перечислены: денежная реформа, введение единой системы мер и весов, строительные мероприятия, в том числе строительство Китай-города, ограничение феодальных иммунитетов и проч.³³).

В редких случаях — когда «женская тема» все-таки оказывается затронутой в учебниках — авторам приходится как-то выкручиваться в связи с переизбытком жен у некоторых русских правителей. Знаменитый Иван Грозный был женат 7 раз; факт, сам по себе симптоматичный для личности этого правителя, упомянут лишь в одном учебнике³⁴, причем приведены имена первой (Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева) и последней (Мария Нагая³⁵). В одном из учебников неожиданно всплыло имя еще одной жены грозного правителя — Марии Темрюковны, однако лишь в связи с описанием высокохудожественного блюда, ей принадлежавшего, а о том, что она была женой царя, в книжке не сказано³⁶. Несмотря на то что отчество первой жены Грозного, «юницы» Ана-

³⁰ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 85, 89.

³¹ «Правление Глинской противоречило патриархально-религиозным взглядам московского боярства, не допускавшего участия женщин в общественной жизни, вот почему смерть Елены сопровождалась слухами о ее отравлении» (Керов В. В. Указ. соч. С. 99).

³² Жириновский В. В., Спицин Е. С. Указ. соч. С. 151—153.

³³ Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 108.

³⁴ Керов В. В. Указ. соч. С. 100, 130.

³⁵ В учебнике В. А. Потатурова контекст упоминания царицы таков: «Эта версия опирается на рассказ Дж. Горсея, слышавшего ее от Афанасия Нагого, брата царицы Марии». Чьей женой была царица Мария? Когда она жила? Студент не узнает никогда. См.: Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 159. Вообще о Марии Нагой чаще всего говорится, что она была «последней» (в первом издании учебника М. Н. Зуева (Зуев М. Н. История России. М., 2000. С. 141) она названа «шестой», в последующем издании 2004 г. ошибка исправлена), но из сколького числа — ни слова, как и о ее жизни, полной авантюрных приключений.

³⁶ Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 658.

стасии, номинировало всю русскую царскую династию (Федор Михайлович Романов, первый русский царь, был избран именно потому, что был связан с первой женой Ивана Грозного), в учебниках об этом сказано весьма неопределенно («это был род Романовых — родственники первой жены Ивана Грозного царицы Анастасии...»³⁷). Иногда случайное упоминание («в 1560 г. скончалась царица Анастасия...») даже не позволяет читателю понять, чьей же женой она была и когда, откуда взялась³⁸.

Типичный пример изложения факта русской истории в современном учебнике: «Младшему сыну Ивана Грозного — Дмитрию было лишь 2 года, он вместе с матерью жил в Угличе, отданном ему в удел»³⁹. В приведенном отрывке двухлетний мальчик выступает в качестве действующего субъекта, а его мать — ее как раз и звали Мария Нагая — анонимным дополнением к нему. Между тем любому интересующемуся историей русского Смутного времени известно, что роль Марии Нагой в ту треть века была и заметна, и необычна, она была втянута в водоворот массы трагических событий, пыталась самосохраниться, и ей это удалось благодаря хитрости и изворотливости. Не менее яркой женской личностью того времени была и невеста, а затем жена Лжедмитрия I — Марина Мнишек. Ее имя известно российским школьникам, по крайней мере, благодаря знаменитым пушкинским строкам, видно, поэтому в учебники попадают характеристики ее внешности («прекрасная полячка») и утверждение о ее политическом авантюризме⁴⁰. Но в учебниках русской истории упоминание ее имени редко и формально, как и имя матери первого русского царя из рода Романовых — Ксении Ивановны (урожд. Шестовой, в постриге Марфы Ивановны), той, что жила с 16-летним сыном в Костроме и благословила его на царство, сумела поставить за короткий срок своих родственников на ключевые посты в государстве (зато о Филарете — отце Михаила — во всех учебниках материала предостаточно)⁴¹.

XVII в. — если судить по текстам анализируемых учебников — был в русской истории практически незнаком с именами выдающихся женщин. Студенту не узнать о боярыне Ф. П. Морозовой и поэтому не понять содержания картины В. И. Сурикова. Даже в одном из самых продвинутых учебных пособий, включившем немало женских имен, в том числе и царевны Софьи, написанном В. В. Керовым, лексема «женщина» впервые встречается именно в связи с ее правлением и вот в каком контексте: «Патриархальному сознанию людей противоречил факт нахождения женщины во главе государства»⁴² (как будто в русской истории не было до Софьи ни одной правительницы земли, княжества, государства), но одно дело патриархатное сознание, а другое — точка зрения исследователя. Можно лишь выразить сожаление в том, что в

³⁷ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 157.

³⁸ История России / Л. И. Семенникова. С. 151.

³⁹ Орлов А. С. и др. История России с древнейших времен до наших дней. М., 1999. С. 97.

⁴⁰ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 158.

⁴¹ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 165.

⁴² Керов В. В. Указ. соч. С. 100, 176.

учебниках не упоминается об инициативах царевны Софьи, связанных с созданием первого высшего учебного заведения (Славяно-греко-латинская академия), строительством в столице, внешнеполитическими инициативами и т. д. Чаще всего о Софье говорится в связи с именем ее брата, при малолетстве которого она была регентшей⁴³, а также (реже) о том, что она обладала «сильной волей и энергией»⁴⁴.

Современные учебники продолжают стародавнюю «традицию» изображения женских правлений как периодов правлений фаворитов (при Софье — В. В. Голицына, при Анне Иоанновне — И. Э. Бирона; и т. п.) В редком учебном тексте можно встретить имя матери главного русского царя-реформатора — Натальи Кирилловны Нарышкиной. Чаще говорится о ее роде, а о ней самой — лишь то, что она была молодой женой Алексея Михайловича и матерью царевича⁴⁵.

«Золотой век истории частной жизни» — «столетье безумно и мудро», XVIII в., в некоторых вариантах учебной литературы удостоилось отдельной книги⁴⁶. О том, что XVIII в. сменяет в истории России эпоху «теремного затворничества» женщин на время, выдвинувшее на авансцену истории не только правительниц, но и женщин «образованных, следующих европейским нормам жизни» (причем приведены имена Е. Р. Дашковой как первого президента Российской академии наук и двух ярких представительниц образованной элиты... почему-то XIX в.: писательницы Е. Ростопчиной и хозяйки салона, жены будущего декабриста М. Волконской), говорится только в одной книге — по истории культуры Европы и России⁴⁷.

Но крайне редко упоминая женские имена — и лишь в связи с изменениями в политической истории (ведь XVIII в. был эпохой «женских правлений» в России — более 70 лет страной правили, сменяя друг друга, императрицы), авторы пособий успевают «припечатать» даже положительные особенности их административной деятельности как «женские» (чтобы противопоставить чему-то «мужскому» — оно-то считается социально-престижным): «Началась своеобразная эпоха женщин-императриц...»⁴⁸; «Особенностью XVIII века для России было женское правление... при этом процветали фаворитизм, растрчивались богатства страны», приход к власти Екатерины II был «настоящей “дамской” революцией по причине ее бескровности»...⁴⁹ Ни один из авторов учебных пособий не сказал доброго слова о супруге Петра I, которой довелось 2 года править, вдовствуя, зато о том, что она была безграмотной

⁴³ Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 118.

⁴⁴ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 116.

⁴⁵ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 200—201; Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 134.

⁴⁶ История России... / Л. В. Милов. М., 2006.

⁴⁷ Шишова Н. В. Указ. соч. С. 299. Упоминание Е. Р. Дашковой есть также в кн.: Зуев М. Н. Указ. соч. С. 188, 200.

⁴⁸ Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 184.

⁴⁹ Амон Г. А., Ионичев Н. П. История России IX—XX вв. М., 2002. С. 180, 204.

литовской крестьянкой, вознесенной на вершину власти в державе, не отказал себе в удовольствии отметить ни один из историков.

С удивительным единодушием авторы учебников клеймили и клеймят XVIII в. как эпоху, когда «корона доставалась то женщинам, то детям, которые управляли с помощью интриг и подкупов», не «имея никакой программы действий»⁵⁰. Только о женщине-правительнице можно написать, что «место мужа при ней занял фаворит»⁵¹ — имярек — о мужчинах, их любовницах и протееже пишут иным языком, и никакого «места жены» при них никто, видать, не занимал. О «личной мудрости» женщин-правительниц России XVIII в. решился сказать лишь один из авторов вузовских учебников⁵².

Женская повседневность крайне редко интересует их, да и то лишь в контексте перемен в ней во времена Петра I, скажем, в связи с историей ассамблей («конечно, в первые годы была скованность, особенно среди женщин, лишь в недавнем прошлом начисто лишенных такого рода общения»⁵³). Императрицы (в отличие от правителей-мужчин) представляются сквозь призму своих странных увлечений: Анна Иоанновна — как любительница «грубых забав»⁵⁴, ее племянница Анна Леопольдовна («недалекая, флегматичная, хотя и миловидная девушка») — как безвольная игрушка в руках ее супруга, родившая ему за короткий срок четверых детей и умершая в 28 лет, Елизавета Петровна — как «веселая и любвеобильная»⁵⁵, любительница нарядов и танцев, привыкшая засыпать лишь под утро под щекотание ей пяток. Для ссылок на авторитеты чаще всего используется В. О. Ключевский.

О жизни представительниц иных социальных слоев читатели учебника никогда не узнают: к примеру, о том, использовался ли уже в XVIII столетии женский труд на мануфактурах, основанных на вольнонаемном труде или все еще нет и там трудились только души «мужескаго полу». При этом самим мануфактурам и их истории и развитию уделено немало внимания.

Излишне говорить, что в описании истории развития культуры России XVIII в. женские имена (первых писательниц, поэтесс, авторов первых автобиографий и мемуаров, актрис⁵⁶, художниц) начисто отсутствуют, кроме, может быть, единственной — П. И. Ковалевой-Жемчуговой⁵⁷. Единственный факт из женской истории — начало женского образования в 1764 г. — упомянут в ряде учебников в связи с И. И. Бецким и его программой создания «новой породы людей»⁵⁸.

⁵⁰ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 228.

⁵¹ Там же. С. 230.

⁵² Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 185.

⁵³ История России... / Л. В. Милов. С. 118.

⁵⁴ Керов В. В. Указ. соч. С. 200; Зуев М. Н. Указ. соч. С. 155.

⁵⁵ Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 193.

⁵⁶ Исключение — упоминание о балерине Т. В. Гранатовой (Шлыковой). См.: Керов В. В. Указ. соч. С. 267.

⁵⁷ История России... / Л. В. Милов. С. 370; Шишова Н. В. Указ. соч. С. 315.

⁵⁸ История России... / Л. В. Милов. С. 353; Керов В. В. Указ. соч. С. 261; Зуев М. Н. Указ. соч. С. 200.

Женщины вообще чаще всего упомянуты в несамостоятельном качестве дочерей, которых выдавали замуж и тем самым решали политические задачи, или объектов мужских страстей («довершило дело раннее, но сильное увлечение Петра II своей теткой — 17-летней рыжеволосой красавицей Елизаветой Петровной»⁵⁹).

Нетипично высокой характеристикой хитрости и ума императрица Анна Иоанновна удостоивается в учебнике под редакцией Л. В. Милова («умная по природе, но не получившая никакого, в сущности, образования...»⁶⁰), но и в нем не обошлось без цитирования слов В. О. Ключевского о ее злом нраве, жажде запоздалых удовольствий и положении «тени при своем фаворите» — Э. И. Бироне. Обычная характеристика этой русской правительницы — баба страшная, жестокая и бездарная, допустившая засилье иностранцев при русском дворе. Похоже, все авторы единодушно терпеть ее не могут и даже Иван Грозный вызывает бóльшую симпатию, чем эта толстуха с ее причудами и шутками. Высокая оценка отмены Анной Иоанновной петровского Указа о единонаследии⁶¹ нетипична для учебной литературы и отражает новейшую тенденцию. «Высокая и тучная, с лицом более похожим на мужское, черствая от рождения... малообразованная... она привезла в 37 лет озлобленный ум и убогий жизненный кругозор»⁶², «не отличалась ни красотой, ни умом, ни образованностью...» — почему-то при разговоре о мужчинах-правителях вопрос о красоте не поднимается авторами никогда⁶³. Ни один из учебников не упоминает о том, что вместе с «засильем иностранцев» в Петербург была завезена итальянская опера, что фейерверки, парады и празднества приводили в восторг всех наблюдателей и Р. Э. Распэ не случайно сделал Мюнхгаузена современником чудес, случившихся в Петербурге в то время.

Вместо того чтобы подчеркнуть гуманизм правления другой русской правительницы — Елизаветы Петровны (раньше других монархов Европы отменившей в 1744 г. смертную казнь, а в 1753 г. «таможенные и мелочные сборы», что дало сильнейший толчок становлению общероссийского рынка, и распорядившейся в 1755 г. об основании Московского университета⁶⁴), авторы учебников для современных студентов указывают, что некоторые ученые считают правление Елизаветы не больше не меньше как эпохой... контрреформ⁶⁵. Один написал, что она «была неспособна к систематическим заняти-

⁵⁹ История России... / Л. В. Милов. С. 133.

⁶⁰ Там же. С. 135.

⁶¹ См.: *Столяров А. А.* Рождение Российской империи. Судьба реформ в XVIII в. // *История Отечества* / М. В. Зотова. С. 107.

⁶² *Потатуров В. А. и др.* Указ. соч. С. 233.

⁶³ В новейших учебниках стали приводиться альтернативные точки зрения (прежде всего так называемой «питерской школы» изучения XVIII в.), что нельзя не признать позитивной тенденцией. См.: *Дервянко А. П., Шабельникова Н. А.* Указ. соч. С. 189, 191.

⁶⁴ Упоминание об этом есть только в кн.: *История России* / Л. И. Семенникова. С. 216.

⁶⁵ *Дервянко А. П., Шабельникова Н. А.* Указ. соч. С. 186.

ям государственными делами»⁶⁶, другой увидел ее «несостоятельность как государственного деятеля» (тем более странное утверждение, поскольку двумя страницами ранее они же утверждали, что эту императрицу «судьба подвигла на *многие славные дела*»⁶⁷).

Больше всего внимания (и это понятно) из всех женских личностей русской истории уделено «матушке-императрице» Екатерине II. Но лишь в одном учебнике, руководителем авторского коллектива которого является женщина-исследователь Л. И. Семенникова, Екатерининская эпоха описана как эпоха блистательных успехов Российской державы, а сама Екатерина названа «завершительницей широкомасштабных реформ XVIII в.»⁶⁸. Много страниц посвящено истории успехов управленческой деятельности Екатерины II и в учебнике А. Н. Сахарова⁶⁹. В остальных учебных текстах ее успехи как правительницы оцениваются, как правило, неоднозначно и подводятся к идее о том, что «ее преобразования тормозили развитие прогрессивных буржуазных отношений»⁷⁰. «Она предпринимала некоторые шаги, направленные на дальнейшую европеизацию и гуманизацию русской жизни, однако в условиях углублявшейся диктатуры дворянства... они выглядели достаточно двусмысленно»⁷¹, «зачастую была неразборчива в средствах»⁷². Лишь в новейших учебниках стал подчеркиваться личный вклад императрицы в реализацию новшеств — например, банковской системы, общей веротерпимости, в совершенствование общей системы управления и формирование нового внешнеполитического курса России и проч.⁷³ Однако авторы считают нужным особо подчеркнуть, что более 70 лет «женских правлений» на протяжении XVIII в. привели к укреплению самодержавных тенденций через систему все более крепнущих «императорских советов» при правителе. Венцом развития этой системы при Екатерине II явилась апробация системы либеральной риторики при усилении позиций самодержца (что и дало основание одному из авторов назвать Екатерину II «государственным мечтателем» — именно так, в мужском роде⁷⁴).

Типическим подходом в реконструкции исторического прошлого остается упоминание женщин лишь как матерей, жен, дочерей, сестер, любовниц «великих мужчин». Женщины из рода Долгоруких (XVIII в.) — по замыслу ав-

⁶⁶ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 158.

⁶⁷ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 234.

⁶⁸ История России / Л. И. Семенникова. С. 218 и др; Шишова Н. В. Указ. соч. С. 284; В другом пособии единственный раз встречен эпитет «Великая» по отношению к Екатерине II и сказано, что лишь она одна после Петра I заслужила в памяти потомков такое прозвание. См.: Данилов А. А. Указ. соч. С. 70.

⁶⁹ В связи с началом женского образования в России см.: История России / А. Н. Сахаров. С. 387—390, 421.

⁷⁰ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 283.

⁷¹ Борисов Н. С. Указ. соч. С. 36.

⁷² Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 266.

⁷³ История Отечества / М. В. Зотова. С. 83, 112; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 275.

⁷⁴ Столяров А. А. Указ. соч. С. 97.

торов учебников — должны остаться в памяти потомков отнюдь не по той причине, которую имел в виду Н. А. Некрасов, восхищенно вписавший в поэму «Русские женщины» «... но мир Долгорукой еще не забыл» (он подразумевал ее нравственный подвиг, предвосхитивший поступок жен декабристов), а по той, что все эти барышни (например, Екатерина Долгорукая⁷⁵) окружали именитых и статусных мужчин из слоя власть предержащих.

При этом, как остроумно заметил Д. Ю. Бородин, «слово “мужчина” встречается реже, чем слово “женщина”», на страницах учебников действуют даже не люди с мужскими свойствами, а все больше «правители, полководцы, государственные деятели, революционеры и рабочие»⁷⁶. Авторы учебников дают традиционную стереотипную характеристику правителей: идеальным правителем выступает некто полновластный, решительный, физически здоровый, держащий в узде сильных и не обижающий слабых. Под такую характеристику подпадает, например, Владимир Мономах. Напротив, готовый разделить полноту власти, нездоровый или слабый физически выступает как плохой правитель, нуждающийся в опеке (как женщина). Про Петра III в одном из учебников сказано: «...в нашей истории известен больше как неудачливый муж Екатерины II»⁷⁷. В оценке важнейшего периода российской истории — второй половины XVIII в. (именно тогда страна не проиграла ни одной войны и резко расширила свои пределы, несмотря на серьезные внутренние социальные потрясения) многие авторы проявляют не только сексизм, но и эйджизм: нехотя соглашаясь сказать доброе слово в адрес начала правления Екатерины; в оценке последних лет ее царствования историки усматривают «беспорядок в делах управления и чиновничий произвол, которые уже не могла контролировать стареющая императрица»⁷⁸.

В новейшем учебнике по истории России А. Н. Сахарова впервые (несмотря на традиционность внимания советской историографии к «рабочему вопросу») упомянуты изменения в российском законодательстве 1741 г., урегулировавшие порядок работ на промышленных предприятиях России, в том числе узаконившие право женщин на вознаграждение наравне с мужчинами⁷⁹. Вообще, в единственном учебнике сказано о двойной дискриминации в оплате труда на фабриках и предприятиях XIX в. — в учебнике под редакцией М. В. Зотовой⁸⁰. В нем же говорится о 1885 г. как времени принятия первого закона, запрещающего в России женский и подростковый труд в ночное время.

XIX в. в российской истории был отмечен, как известно, Указом 1796 г. императора Павла I, запретившим женщинам наследовать трон. Об этом в учебниках ни слова, как и об именах *дочерей* самого Павла и других русских правителей после него. В одном из учебников встретилось упоминание об им-

⁷⁵ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 230.

⁷⁶ Бородин Д. Ю. Указ. соч. С. 217.

⁷⁷ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 2000. С. 173.

⁷⁸ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 181.

⁷⁹ Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 553.

⁸⁰ История Отечества / М. В. Зотова. С. 152.

ператрице Марии Федоровне — супруге Павла I, создавшей ряд благотворительных и воспитательных учреждений (причем материал в учебнике подан так, что студенту невозможно догадаться о ее личной инициативе по созданию этих учреждений, в нем — лишь слабое упоминание о том, что IV Отделение Его Императорского Величества канцелярии, управлявшее благотворительными учреждениями, получило ее имя⁸¹).

То же молчание сохраняют тексты учебников и касательно самых прогрессивных для своего времени и либеральных по духу программных документов (вроде «Русской Правды» П. И. Пестеля или Конституции Н. М. Муравьева). В них нет ни слова об уравнивании прав мужчин и женщин, а в уставах декабристских обществ было прямо записано: «Женский пол на собрания не допускается»). Женских имен в описании бурных событий XIX столетия мало. Однажды упомянута Василиса Кожина (смоленская старостиха, сформировавшая партизанский отряд, успешно воевавший с наполеоновскими войсками)⁸², однажды — З. А. Волконская⁸³.

Андроцентризм первых политических объединений — скажем, первых декабристских организаций — нигде и никем не подчеркнут, как и решение будущих декабристов не принимать женщин в состав своих кружков. Подвиг декабристок в учебном пособии под редакцией Л. В. Милова, целиком посвященном XVIII—XIX вв., упомянут в связи с «давним обычаем, согласно которому женщина разделяла судьбу мужа»⁸⁴. Впрочем, это учебное пособие — едва ли не единственное, в котором упомянуты салоны 1830-х гг., «в которых женщины выступали хранительницами духовных и этических традиций (правда, названо имя одной только А. П. Елагиной. — *Н. П.*), свободомыслия и терпимости к инакомыслию»⁸⁵.

Ничего не сказав о возникновении «женского вопроса» в литературе, публицистике, общественной мысли 1850—1860-х гг., о первых женских объединениях и началах женского движения в России, создатели новых учебных курсов по истории не считают достойным упоминания и возникновение службы полевой медицинской помощи (одновременно в России и в Англии) в годы Крымской войны 1853—1856 гг. — появление тех самых медсестер («сестер милосердия»), без которых трудно представить себе историю хоть одного военного конфликта. Лишь в одном учебнике есть данные о запрете телесных наказаний для женщин (1863 г.), в списке законов великих реформ⁸⁶.

Большинство авторов учебников в лучшем случае упоминают о зарождении системы вначале дворянского⁸⁷, а к концу века и всесословного женского

⁸¹ Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 164.

⁸² История России / А. Н. Сахаров. С. 461.

⁸³ Данилов А. А. Указ. соч. С. 171.

⁸⁴ История России... / Л. В. Милов. С. 528.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 274.

⁸⁷ Керов В. В. Указ. соч. С. 331. В этом учебнике (единственном) имеется информация об открытии в 1858 г. в Петербурге первой женской гимназии (Мариинской), хотя на с. 411 учебника датой начала создания женских гимназий указывается 1862 г.

образования, особенно высшего (одновременно с проведением буржуазных реформ середины XIX столетия⁸⁸). Открытие училищ, гимназий, курсов, разрешение посещать лекции в университетах, допущение к некоторым видам деятельности (работа на телеграфе с 1864 г., занятия счетоводством, воспитанием детей и медициной) — тот максимум, который иногда упоминается в изложении общественно значимых событий второй половины XIX в.⁸⁹ При изложении истории культуры как первой, так и второй половины XIX в., казалось бы, трудно обойти вниманием известнейшие имена — балерины А. Истоминой, писательницы А. О. Ишимовой, поэтессы К. Павловой. Применительно ко второй половине XIX в. иногда упоминается Леся Украинка⁹⁰. Единственная из женщин-ученых, кого (по традиции) почти никогда не забывают — математик С. В. Ковалевская (но и она однажды упоминается не как самостоятельная научная единица, а как последовательница школы П. Л. Чебышева; лишь один учебник позволяет гордиться тем, что эта женщина была первой в мире женщиной — членом-корреспондентом Академии наук⁹¹), из актрис — М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова, М. Г. Савина, П. А. Стрепетова⁹², а в XX в. — В. Ф. Комиссаржевская⁹³.

Любопытно, что упоминание историков К. Н. Бестужева-Рюмина или В. И. Герье нечасто заставляет авторов учебников вспомнить о том, что их имена носили первые женские курсы — Бестужевские в Санкт-Петербурге и курсы В. И. Герье в Москве. Тем не менее, позитивные исключения все же имеются⁹⁴. В книге под редакцией М. В. Зотовой сообщается также, что женское образование в России развивалось исключительно за счет платы за образование и частных пожертвований, «за исключением небольшой субсидии от казны Бестужевским курсам в Петербурге»⁹⁵. Оно названо в этом учебнике «важнейшим завоеванием эпохи реформ» и при перечислении контрреформистских мероприятий правительства после убийства Александра II, рассказано о запрете, наложенном на женские курсы в Москве, Киеве, Казани⁹⁶. В учебнике В. В. Керова закрытие женских курсов в 1882—1883 гг. трактуется как проявление реакционных мер в области просвещения⁹⁷.

При изложении социально-экономических реалий рубежа XIX—XX вв. ни один из авторов не сообщает о такой характерной черте развития экономики

⁸⁸ История Отечества / М. В. Зотова. С. 166; *Потатуров В. А. и др.* Указ. соч. С. 342.

⁸⁹ История России... / Л. В. Милов. С. 614—615; *Керов В. В.* Указ. соч. С. 411.

⁹⁰ *Керов В. В.* Указ. соч. С. 417.

⁹¹ Упомянуто без информации о том, что Академия наук была шведской. См.: *Зуев М. Н.* Указ. соч. С. 316.

⁹² История России... / Л. В. Милов. С. 753, 760—761; *Керов В. В.* Указ. соч. С. 420; *Шишова Н. В.* Указ. соч. С. 319; *Моряков В. И. и др.* Указ. соч. С. 247; *Деревянко А. П., Шабельникова Н. А.* Указ. соч. С. 675, 684; *Зуев М. Н.* Указ. соч. С. 294, 319.

⁹³ *Деревянко А. П., Шабельникова Н. А.* Указ. соч. С. 694.

⁹⁴ *Зуев М. Н.* Указ. соч. С. 293.

⁹⁵ История Отечества / М. В. Зотова. С. 167.

⁹⁶ Там же. С. 168.

⁹⁷ *Керов В. В.* Указ. соч. С. 413.

страны в то время, как женское предпринимательство. Между тем некоторые из купчих, особенно вдовых, были весьма успешны в своем семейном (Большая Ярославская мануфактура Корзинкиных) и индивидуальном (В. А. Морозова, урожд. Хлудова) бизнесе.

Наследием традиций написания истории, сложившихся в советское время, является сравнительно неплохая представленность на страницах учебных пособий имен участниц освободительного движения (С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, В. И. Засулич, однажды упомянута даже «землеволка» О. А. Натансон⁹⁸, Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, среди представителей русского экономизма — Е. Д. Кускова, среди эсерок — М. А. Спиридонова)⁹⁹. Почему-то не раз упоминается и Е. К. Брешко-Брешковская¹⁰⁰, но в чем был ее вклад в историю российского эсерства (что это была первая русская женщина, приговоренная к каторге, одна из основательниц партии эсеров) остается загадкой. О том, что по политическому процессу «первомартовцев» было казнено четверо мужчин и одна женщина в одном-двух учебниках говорится, но о том, что «казнь через повешение» С. Л. Перовской была первой в истории России казнью женщины по политическому делу — ни слова. Между тем события эти стали поворотными в женском движении страны, и будущие «равноправки» вдохновлялись лозунгом Олимпии де Гуж, погибшей на гильотине за век до тех событий: «Если женщина достойна взойти на эшафот, она может войти и в парламент!».

Нет сведений о зарождении и развитии женского движения в России, создании Союза равноправия, Первом женском съезде 1908 г. в Петербурге. Есть информация о всех видах протестных движений — национальном, религиозном, рабочем, только не женском! Неудивительно (в этом контексте), что наиболее яркое пересечение «женской истории» и истории социальной, т. е. начало Февральской революции, практически ни в одном из учебников не увязано с общей борьбой Союза равноправия за избирательные права российских женщин. Первый день революции — 23 февраля (по новому стилю — 8 Марта, День международной солидарности трудящихся женщин) — лишь в одном учебном тексте представлен как событие, празднование которого женщинами, начавшими демонстрации и митинги привело к скорейшему разворачиванию революционных событий и падению династии Романовых¹⁰¹.

В новейших учебниках — 2000-х гг. — вместе с историей протестного движения «потерялись» и женщины. В учебнике под редакцией А. Н. Сахарова раздел по истории России конца XIX в. написан А. Н. Бохановым. Он отлично представил историю воцарения Николая II и дал краткую характеристику членам его семьи — женщинам, пожертвовав историей народничества, анархизма,

⁹⁸ Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 240—241.

⁹⁹ Борисов Н. С. Указ. соч. С. 74; История Отечества / М. В. Зотова. С. 216; Керров В. В. Указ. соч. С. 541; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 370; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 289—290, 332; Зуев М. Н. Указ. соч. С. 286, 310.

¹⁰⁰ История Отечества / М. В. Зотова. С. 219; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 407; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 335.

¹⁰¹ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 460.

ранней русской социал-демократии. Заодно со страниц учебника исчезли и упомянутые выше женщины, за исключением В. И. Засулич¹⁰², а также возникшей в связи с историей партии эсеров Е. К. Брешко-Брешковской, обозначенной как одной из продолжательниц дела народолюбцев (о которых ранее не было сказано ни слова).

Вполне традиционно для изложения истории культуры начала XX в. упоминание некоторых женских имен: из мира литературы — М. И. Цветаевой и А. А. Ахматовой, среди скульпторов — А. С. Голубкиной, среди балерин — А. П. Павловой, актрис — М. Н. Ермоловой, В. Ф. Комиссаржевской, певиц — А. В. Неждановой и Н. В. Плевицкой, киноактрис — А. Г. Коонен и В. В. Холодной¹⁰³. В одном из учебников среди живописных направлений упомянут кубофутуризм (и в связи с ним жена М. С. Ларионова — Н. С. Гончарова)¹⁰⁴, однако другие художницы, в том числе З. Е. Серебрякова, М. В. Якунчикова, Л. С. Попова, А. П. Остроумова-Лебедева, обойдены вниманием.

Излагая историю России советского периода, современные авторы (вероятно, посчитав, что «женский вопрос» в СССР все равно не был решен, поэтому нечего о нем писать) предпочитают вообще не касаться темы уравнивания в правах мужчин и женщин (если ранее об этом говорилось в связи с темой первых советских конституций, то теперь ее нет вовсе, хотя различным разделам и статьям Основных законов страны разных лет отдано по 1,5—2 страницы учебников¹⁰⁵). Н. К. Крупская упоминается как глава Главполитпросвета (того самого, что пустил в оборот оксюморонное словосочетание «родное правительство»¹⁰⁶) и член Академии общественных наук, но ведь ее роль в политической жизни страны далеко не ограничивалась этим¹⁰⁷.

Между делом из учебников пропала информация о завоеваниях советской власти (которые в былые времена именовали «великими») — декретах первых месяцев советской власти: о запрещении ночного труда женщин (от 11.11.1917 г.), 2-месячном отпуске по беременности и аналогичном по длительности отпуске после родов (от 27.11.1917), пособиях женщинам, имеющим детей (от 27.11.1917 г.), равной зарплате мужчин и женщин (Декрет о тарифах, декабрь 1917 г.), о гражданской форме заключения брака и равных правах в нем мужчин и женщин (от 31. 12.1917 г.)¹⁰⁸.

Не найти женских имен в связи с историей сопротивления сталинскому единоначалию и формированием партийных фракций, проведением дискуссий

¹⁰² История России / А. Н. Сахаров. С. 547, 569.

¹⁰³ Керов В. В. Указ. соч. С. 525, 527—528; Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 306—307; Шишова Н. В. Указ. соч. С. 343; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 698; Зуев М. Н. Указ. соч. С. 490.

¹⁰⁴ Керов В. В. Указ. соч. С. 526.

¹⁰⁵ См., напр.: Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 374—375.

¹⁰⁶ Керов В. В. Указ. соч. 613.

¹⁰⁷ Роль Н. К. Крупской, оказывавшей посильное сопротивление усилению единовластия Сталина, отмечена лишь в учебнике А. П. Деревянко и Н. А. Шабельниковой. См.: Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 420, 442.

¹⁰⁸ Подробнее см.: Женщины мира в борьбе за социальный прогресс. М., 1972. С. 29—82.

(о профсоюзах в 1922 г.). «Рабочая оппозиция», уклоны и дискуссии упомянуты, но женских имен в их составе нет. Таким образом, о той же А. М. Коллонтай теперь не говорится ни в каком контексте.

Ярких представительниц советской истории 1930-х гг. — инициаторов движения «Женщины — на трактор!» и создательницы первой в мировой истории женской тракторной бригады Прасковьи Никитичны Ангилиной (которую вся страна звала «Пашей»), передовиц ткацкого дела Е. В. и М. И. Виноградовых — в «постсоветских» учебниках истории, понятное дело, тоже нет¹⁰⁹. Полностью пропали женские имена из списка членов СНК (народный комиссар по делам общественного призрения А. М. Коллонтай), ВРК (секретарем Петроградского ВРК в дни Октябрьского восстания была Ф. И. Драбкина, впоследствии — инспектор РКИ), ЦКК и МК РКП(б) (С. Н. Смилович), ПК РКП(б) и МОПР (между тем его председатель — Е. Д. Стасова похоронена у Кремлевской стены), отделов ЦК РКП(б) по работе среди женщин (К. Н. Самойлова, И. Ф. Арманд, М. И. Ульянова, А. И. Елизарова), членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) (Е. Д. Стасова, К. И. Николаева), зампреда СНК СССР (Р. С. Землячка-Залкинд). А все потому, что о самих этих органах власти и общественных организациях в учебниках теперь не говорится.

История Великой Отечественной войны в редком учебном тексте представлена как трагедия, резко изменившая образ жизни, коллективную ментальность и повседневность советских людей, в том числе женщин. Вся история войны — это сплошные операции и битвы, что же касается партизанской борьбы и тыла, то описание изменений в экономике в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. не обходится без упоминания о том, что места ушедших на фронт заняли «женщины, старики, дети», «женщины, пожилые, инвалиды, подростки»¹¹⁰. Женщины оказались причисленными к социально незащищенным и, пользуясь терминологией социальной работы, «слоям, нуждающимся в помощи», но вынужденным в условиях военного времени выполнять мужскую работу. Тем самым через очевидные коннотации гендерный стереотип не размывается, а лишь утверждается. Авторы странным образом не замечают факта привлеченности женской рабочей силы к труду на предприятиях в предвоенное время; ничего не говорится и о том, что гендерных различий в трудовых нор-

¹⁰⁹ В учебнике В. И. Морякова с соавторами совершенно неожиданно в тексте об индустриальных свершениях послевоенной эпохи упомянуты мало кому известные М. Рожнева и Л. Кононенко (при перечислении имен «поколения новых стахановцев», где в основном, конечно же, мужчины — столь же неизвестные ни по профессии, ни по трудовому вкладу, ни по месту жительства). Оставшись в недоумении, чем же прославились поименованные выше женщины, хочется спросить: в первом поколении «стахановцев» женщин разве не было? Где же имена Е. и М. Виноградовых, П. Ангилиной, которые известны любому представителю старшего и среднего поколений. См.: Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 425.

¹¹⁰ Киселев А. Ф., Щагин Э. М. Новейшая история Отечества: XX век. В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 178; История России / Ю. И. Казанцев, В. Г. Деев. Новосибирск, 2002. С. 427; Амон Г. А., Ионичев Н. П. Указ. соч. С. 630, 638; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 599; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 495.

мативах заключенных в женских и мужских лагерях, где бы то ни было — на Севере или в Сибири, — не было. Зато в демографических характеристиках и очерке социально-экономической истории СССР в 1940-е гг. встречаются упоминания о том, что «в 1942 г. более половины всех занятых в народном хозяйстве составляли женщины»¹¹¹.

Единственным исключением из общего правила остается учебник А. К. Соколова и В. Н. Тяжельниковой, который дает конкретные сведения об изменениях в составе рабсилы в период войны. В нем более, чем в других, представлена тема повседневности и прямо сказано, что на селе женщины в ходе перестройки экономики на военный лад стали играть ключевую роль, все чаще занимая руководящие должности и общественные посты¹¹². В учебнике В. А. Потатурова и его авторского коллектива подчеркнуто, что «без вовлечения женщин в промышленность и на транспорт, в том числе на участки с тяжелыми условиями труда, нельзя бы организовать широкое производство боевой техники»¹¹³.

И это действительно так. Положительным примером стоит признать упоминание вклада женщин — певиц и актрис, так называемой «творческой элиты», в укрепление народного патриотизма в годы войны, ведь они выезжали на фронтовые концерты, становились членами театрально-концертных бригад. Упоминание о них (К. И. Шульженко, Л. А. Русланова) есть только в одном учебнике¹¹⁴. Но как и почему из учебников пропало имя Зои Космодемьянской, не говоря уже о других героинях войны, той же Лизы Чайкиной или Любови Шевцовой, отдавших жизни за свободу страны, остающихся символом негибкости и патриотизма, — можно только гадать¹¹⁵. По неясным причинам из списка поэтов военного поколения, без которых трудно представить себе историю Ленинграда, выпала О. Ф. Берггольц, только один раз встретилось имя М. Алигер¹¹⁶.

Советская история обеднена сокращением числа выдающихся женщин, достойных исторической памяти. Большим успехом можно признать включение в учебнике В. А. Потатурова в ткань повествования о послевоенных годах информации о том, что послевоенное общество с полным правом можно назвать обществом «с женским лицом». Здесь также говорится, что женщин после войны было на 21,8 млн больше, чем мужчин, но «женское общество оказалось удивительно жизнеспособным»¹¹⁷. Есть упоминания о том, что рост численности дея-

¹¹¹ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 520.

¹¹² Соколов А. К., Тяжельникова В. С. Курс советской истории, 1941—1991. М., 1999. С. 58—59.

¹¹³ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 600.

¹¹⁴ Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 417.

¹¹⁵ Имя З. А. Космодемьянской находим только в одном учебнике (Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 497), причем подчеркнуто, что она была дочерью репрессированного (этот факт в советских учебниках истории не указывался).

¹¹⁶ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 526.

¹¹⁷ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 640; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 517.

телей российской науки и образования с послевоенного времени стал определяться «возросшим приемом женщин» в вузы¹¹⁸, но на страницах учебников не набрать и 2—3 фамилий женщин-ученых ни из одной области знания.

Однако подобные пассажи о значимости женского вклада, похоже, не более чем случайность. В связи с советской историей 1945—2000 гг. женских имен даже в упомянутом учебнике все также практически не встретить, как и в иных учебных текстах. В связи с послевоенными «кампаниями», как правило, упоминается А. А. Ахматова¹¹⁹. Среди деятельниц культуры хорошим тоном остается (со времен советских учебников) упоминание скульптора В. И. Мухиной (автора «Рабочего и колхозницы»), актрис А. В. Неждановой, А. А. Яблочкиной, А. К. Тарасовой, художницы Т. Н. Яблонской, ученого-историка А. М. Панкратовой (изучавшей советский рабочий класс — этой информации в учебниках нет), композитора А. Н. Пахмутовой или поэтессы Б. А. Ахмадулиной, а среди представительниц «русской культуры за рубежом» З. Н. Гиппиус¹²⁰.

И всё! Студентам, видимо, уже никогда не получить ответов на вопросы: были ли на протяжении советской истории женщины — члены Политбюро? женщины-министры?¹²¹ какие сферы им поручались? много ли было женщин-академиков?

Нет информации и о неофициальных политических деятельницах — создательницах диссидентских кружков и групп. Лишь в одном из пособий сравнительно подробно изложена сама история диссидентского движения в СССР и упомянуто несколько участниц этого движения (Н. Горбаневская, Л. Алексеева, Е. Боннер), а среди писательниц, без произведений которых «лагерная тема» была бы неполной, называют Е. Гинзбург и Е. Л. Олицкую¹²². Поскольку тема диссидентства из запрещенных переключалась в разрешенные, теперь в пособиях можно найти имена Л. Богораз и Н. Горбаневской (их упоминают без второго инициала, поскольку так было принято треть века назад в западной печати)¹²³.

Чаще всего выбор имен женщин из мира искусства и литературы обусловлен личными пристрастиями автора, а не какими-то иными соображениями. Вот почему в одном из учебников возникли имена киноактрис Н. М. Ужвий и М. А. Ладыниной¹²⁴, в другом как деятельница культуры, высланная из

¹¹⁸ Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 711.

¹¹⁹ Керов В. В. Указ. соч. С. 680; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 684; Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 429, Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 690; Зуев М. Н. Указ. соч. С. 553.

¹²⁰ Керов В. В. Указ. соч. С. 624, 658, 739, 741; Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 303, 389, 437; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 690, 716, 726; Зуев М. Н. Указ. соч. С. 491.

¹²¹ В учебниках В. В. Керова и А. П. Деревянко упомянута Е. А. Фурцева (Керов В. В. Указ. соч. С. 709; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 548).

¹²² Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 588—589. В учебнике — опечатка, приведен лишь один неверный инициал — «В. Олицкая», однако автором книги «Мои воспоминания» является Екатерина Львовна Олицкая (1899—1974).

¹²³ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 591.

¹²⁴ Там же. С. 527.

СССР, упомянута Г. П. Вишневская¹²⁵, в третьем — кинорежиссер К. Г. Муратова¹²⁶. Таким же случайным можно считать упоминание политика Г. В. Старовойтовой¹²⁷ и академика-экономиста Т. И. Заславской¹²⁸.

Оценивая частоту упоминаний женских имен на страницах современной российской учебной литературы по истории, можно назвать несколько пособий, которые могут посоревноваться в «неупоминаемости» женщин: это «История России с древнейших времен до наших дней», написанная А. А. Даниловым¹²⁹, в которой (за исключением имен правительниц России XVIII в. есть лишь 4 женских имени на все 10 веков отечественной истории, правда, таких, которых не встретишь в других учебных книгах. Почему-то все они из XVIII — начала XIX в.: это первая жена Петра I Евдокия Лопухина, дочь А. Д. Меньшикова Мария, на которой ее отец хотел женить Петра II, жестокая «Салтычиха», хозяйка знаменитого салона XIX в. З. А. Волконская)¹³⁰.

В учебниках по всеобщей истории наиболее упоминаемые из женских имен XX в. — И. Ганди, Б. Бхутто, М. Тэтчер. Причина такого положения в том, что история человечества по-прежнему излагается как политическая история, а политическая сфера была сферой «мужского» вплоть до новейшего времени. Приватная сфера, место женщин в которой всегда было значимо, по сути, изгнана из российских учебников традицией историописания (кроме учебника А. К. Соколова и В. С. Тяжельниковой¹³¹).

В историко-демографических разделах учебников речь идет о каких угодно характеристиках состава населения (сословия, национальности, конфессии, в отношении XX в. есть информация о старении населения), только не о гендерных. В учебниках, содержащих информацию по истории культуры, картина несколько иная: сама тематика *cultural studies* возникла в последние 15—20 лет, поэтому без «культуры повседневности» в таких текстах не обойтись¹³². Однако в учебниках смешанного типа («История и культурология») таких вопросов, как численность женского населения (больше было женщин, чем мужчин, или меньше, почему и когда), детность семей в различные эпохи, репродуктивные права женщин и уж тем более история контрацепции, авторы либо не касаются, либо лишь слегка упомина-

¹²⁵ Керов В. В. Указ. соч. С. 733.

¹²⁶ Там же. С. 739.

¹²⁷ История России / А. Н. Сахаров. С. 730 (раздел написан В. А. Шестаковым); Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 696; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 629.

¹²⁸ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 700.

¹²⁹ Данилов А. А. Указ. соч.

¹³⁰ Данилов А. А. Указ. соч. С. 65—66, 78. Справедливости ради, отметим, что имена Лопухиной и Долгорукой есть и в других учебниках, см., напр.: Зуев М. Н. Указ. соч. С. 205, 221.

¹³¹ Соколов А. К., Тяжельникова В. С. Указ. соч.

¹³² Шишова Н. В. Указ. соч. С. 121. Об опеке над вдовами в обществах доиндустриального типа (с. 137); о культе Прекрасной Дамы (с. 296).

ют¹³³. Тем более в подобных пособиях не встретишь информации о том, какое влияние православие оказало на гендерный контракт, тип семейно-брачных отношений, социальный статус женщины в обществе, канон ее художественных изображений.

Второе весьма точное наблюдение касается умолчаний — нераспространения на женщин действия тех или иных законопроектов, установлений, идей политических преобразований (исключение составляет, как ни парадоксально, учебник В. В. Жириновского — в нем четко разграничено мужское и женское население¹³⁴). Так, авторы учебных пособий предпочитали говорить, что, например, согласно «Табели о рангах» 1722 г., дворянином мог стать *каждый*, достигший чина 8-го класса (между тем на женщин это не распространялось), «в 1719 г. *любому* жителю страны было разрешено искать полезные ископаемые...» (к сфере женского труда это не относилось) и т. п.¹³⁵ «В силу различных обстоятельств... человек мог добиться перехода из низшего сословия в высшее...» — отмечается в одном из учебных пособий¹³⁶. И неясно в этом случае человек ли женщина, а если все же человек, то могла ли она иметь те же возможности изменения социального статуса, что и мужчина (для женщин своеобразным «социальным лифтом» могло быть замужество, для мужчины же — нет).

Возможности различных социальных слоев и групп («Зажиточные крестьяне приобретали землю...», «все, достигшие 21 года, подлежали призыву в армию...», «узаконено приобретение титула дворянства через пожалование государя, награждение орденом, получение ученой степени...», «В Германии индивид получал возможность относительно свободного продвижения по социальной лестнице...» и т. п.) ни в одном случае не определяются гендерными характеристиками — наличием/отсутствием прав у мужчин и у женщин¹³⁷. Напротив, рассказ о Крещении Руси (в соответствии с новыми идеологическими веяниями в России III тысячелетия) представляет христианство религией, которая несла женщинам лишь защиту и поддержку («христианство цементировало семью, вводило новую мораль, требовало гуманного отношения к женщине...», «церковь... выступала за уважение к личности женщины...»¹³⁸).

История повседневности и быта крайне редко попадает на страницы современных учебников. Чуть больше «везет» допетровскому периоду и XVIII столетию¹³⁹, и то в учебниках самого новейшего времени. При этом «женская тема» даже в этих описаниях чудесным образом выпадает (исключением являются лишь те моменты, когда речь идет о выдающихся историках

¹³³ О меньшей продолжительности жизни женщин в средние века (см.: Шишова Н. В. Указ. соч. С. 119).

¹³⁴ См., напр.: Жириновский В. В., Спицин Е. С. Указ. соч. С. 87.

¹³⁵ История России IX—XX вв. / Н. П. Ионичев. М., 2002. С. 88, 85.

¹³⁶ История России / А. Н. Сахаров. С. 528.

¹³⁷ История России / Ю. И. Казанцев, В. Г. Деев. С. 188; Амон Г. А. Указ. соч. С. 246—247; Родригес А. М., Пономарев М. В. Новейшая история стран Европы и Америки: XX в. М., 2003. Т. 1. С. 268.

¹³⁸ История России / А. Н. Сахаров. С. 34, 37.

¹³⁹ Там же. С. 34, 37, 339.

прошлого, касавшихся истории женщин, например, И. Е. Забелине или А. П. Щапове¹⁴⁰). Иногда встречаются упоминания о женской моде — да и то лишь в контексте странностей и экзотики, с трудом принимаемых с точки зрения современных представлений о красоте и моде («современники рассказывают, что русские женщины XIV—XV вв. без меры белили лица и красили свеклой щеки, чернили глаза, выщипывали брови и на их место приклеивали другие...»). Мужчина, автор данного учебного пособия, неожиданно приписал веяния женской моды XVII в. эпохе складывания единого государства¹⁴¹.

«Женская тема» всплывает в учебниках о российском и зарубежном прошлом обычно в связи с историей образования, труда, отчасти — с политической историей. Но если в учебниках по российской истории можно найти данные о первых учебных заведениях для дворянок XVIII в., начавшемся доступе к высшему образованию в XIX в., завоеваниях советской власти в этой области в 1920—1970-е гг.¹⁴², то те же темы в отношении женщин Европы, США, Канады, стран Востока в учебной литературе не отражены вовсе.

Что касается темы труда, то никаких размышлений авторов о неоплаченном женском труде на дому в анализируемой литературе не найти. Не описывается содержание женского труда и в крестьянских общинах. Более того, никакой информации о том, с какого времени на предприятиях России, той или иной западной или восточной страны начал использоваться женский труд, не найти, но неожиданно вопрос о его регулировании оказывается вдруг упомянут в связи с изложением характеристик обновленного законодательства XIX в. (именно в нем впервые были поставлены подобные вопросы¹⁴³). Активное вовлечение женщин в производственную деятельность в годы советской власти не интерпретируется с точки зрения объектного отношения к женщинам как рабочей силе, способной не только выполнять производственные планы наравне с мужчинами, но и рожать потомство. Бесчеловечные законы середины 1930-х гг., запретившие аборты, не упоминаются, а сама ситуация (поражения женщин в их репродуктивных правах) не комментируется, зато, случается, цитируются слова фашистского приспешника М. Бормана, выступавшего за развитие контрацепции и практику абортов¹⁴⁴.

Ни в одном учебнике, включая учебник А. К. Соколова и В. Н. Тяжельниковой, не нашлось места для характеристики положения женщин России на рынке труда в период перестройки. Хотя изменения были разительные, а безработица в конце 1980-х — 1990-е гг. имела женское лицо. Остается только удивляться, что при изложении советской и постсоветской истории 1945—2005 гг. в современных учебниках, как правило, не упоминается ни одного

¹⁴⁰ Историография истории России до 1917 г. / М. Ю. Лачаева. М., 2003. Т. 1. С. 355—356; Т. 2. С. 41.

¹⁴¹ История России / А. Н. Сахаров. С. 174.

¹⁴² Казанцев Ю. И. Указ. соч. С. 182, 241; Уткин А. И. Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000. С. 120; Амон Г. А., Ионичев Н. П. Указ. соч. С. 294—295.

¹⁴³ Казанцев Ю. И. Указ. соч.; Амон Г. А., Ионичев Н. П. Указ. соч. С. 148; Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России. М., 2004. С. 208.

¹⁴⁴ История Отечества / М. В. Зотова. М., 2000. С. 329.

женского имени, за исключением печально известной Н. А. Андреевой и ее героини-стратоги Елены *Горюхиной* ¹⁴⁵.

Что касается описания участия женщин в политической жизни, то учебники истории куда более консервативны, чем учебники по политологии. Абсолютное большинство учебных пособий игнорирует наличие в России, США, странах Западной Европы женского движения, а тем более феминизма, хотя он сформировал мощную политическую силу и существует с середины XIX в. Лишь в одном учебнике по истории феминизм упомянут — с выразительным и показательным эпитетом *оголтелый* ¹⁴⁶. При этом крестьянское, рабочее, либеральное, отчасти — национальные движения рассмотрены довольно подробно ¹⁴⁷. Удручающе мало сведений о борьбе женщин за свои избирательные права — в одном из учебников почему-то обойдены успехи женщин Англии и США на этом поприще (но упомянуты весьма непоказательные в этом отношении Нидерланды и Италия) ¹⁴⁸. Ни в одном учебнике нет данных о том, что в России женщины добились получения избирательных прав в ходе развертывания Февральской революции, задолго до социалистических преобразований конституционной системы, и явилось это результатом развития почти полувекового женского либерального движения в стране. Зато, когда речь идет об эпохах достаточно отдаленных, скажем, об античности, тогда в текстах учебников непременно подчеркивается тот факт, что демократии того времени были ущербными, поскольку права голоса были лишены рабы, несвободные, иноземцы и женщины ¹⁴⁹.

Наследием советской традиции историописания является упоминание в ряде учебников инициативы торжественного празднования Международного женского дня, а также того факта, что Февральская революция в России началась именно с *женской* демонстрации, связанной как раз с *этой* датой (23 февраля по старому стилю — это 8 марта по новому) ¹⁵⁰. Однако даже этот общеизвестный факт в большинстве учебников назван попросту «выступлениями рабочих» ¹⁵¹.

Что касается взаимоотношений государства и людей разных полов, то тема связи власти с «социально-сконструированными значениями пола» (Джоан Скотт), тема помощи женщинам (а через нее — тема контроля) освещены лишь в двух учебниках по всеобщей истории и то лишь в связи с изложением ситуации в межвоенной Германии (идея «новой немецкой женщины», идеологические механизмы, основанные на культе материнства и мужской доблести в период нацизма) и в контексте рассказа о попытках создания «государств всеоб-

¹⁴⁵ Там же. С. 391; Керов В. В. Указ. соч. С. 745.

¹⁴⁶ Шаповалов В. Ф. Указ. соч. С. 301.

¹⁴⁷ Киселев А. Ф., Щагин Э. М. Указ. соч. С. 78—85; Пономарев М. В., Смирнова С. Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки: В 3 т. М., 2000. Т. 3. С. 26, 51, 70, 235.

¹⁴⁸ Родригес А. М., Пономарев М. В. Указ. соч. Т. 1. С. 179.

¹⁴⁹ Амон Г. А., Ионичев Н. П. Указ. соч. С. 10.

¹⁵⁰ Там же. С. 184; Киселев А. Ф., Щагин Э. М. Указ. соч. С. 434.

¹⁵¹ См., напр.: История России / Ю. И. Казанцев, В. Г. Деев. С. 318; Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. Указ. соч. С. 236.

шего благосостояния» (английские законы об абортах, разводах, пенсиях для женщин и мужчин)¹⁵².

В заключение стоит добавить, что ни в одном учебном пособии по истории нет объяснения термина *гендер* и не упомянуты гендерные исследования. Это и объясняет тот факт, что не только гендерный подход как сумма методических приемов работы с источниками, но и рождение, и развитие в мировой гуманитаристике такого направления, как «женская история», остались незамеченными в российских науках о прошлом. Гендерные исследования занимают маргинальное положение в российской академической среде и, как следствие, не оказывают влияния на формирование учебных программ университетов и на изложение истории в учебных пособиях.

¹⁵² Пономарев М. В., Смирнова С. Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 235; Родригес А. М., Пономарев М. В. Указ. соч. Т. 2. С. 99, 130.

Аннотации

***Лулева А.* Конструирование гендера в болгарском социалистическом проекте: женский вопрос.**

Прослеживается развитие женского вопроса в социалистической Болгарии. Анализ официального дискурса и биографических рассказов строит сопоставление в двух перспективах: женщины как объект социального конструирования и как субъекты, которые воспринимают формирующее воздействие или сопротивляются ему.

***Курило И., Аксенова С.* Особенности социально-экономического состава занятых женщин в Украине.**

Статья посвящена исследованию гендерных особенностей социально-экономического состава занятого населения Украины, и в частности специфики распределения занятых женщин по статусно-классовому, образовательно-профессиональному, материально-доходному признакам.

***Коляскина Е. А.* Деторождение в традиционных представлениях русского населения Алтая.**

На основе этнографических материалов реконструируются представления русских крестьян Алтая второй половины XIX — первой трети XX в., связанные с деторождением. Автор приходит к выводу о неоднозначном восприятии деторождения и его зависимости от этнографической принадлежности и материального положения носителя.

***Пушкарева Н. Л.* Гендерная нейтральность или равнодушие? (К итогам экспертизы учебной литературы по истории 1990—2000-х гг.).**

Представлены итоги проведенной автором экспертизы российских школьных и вузовских учебников по истории за последние полтора десятка лет. Автор убедительно демонстрирует, что женщина и женская история остается «невидимой» в российской науке о «прошлом».

Summary

Luleva A. Constructing gender in the Bulgarian socialist project: the women's issue.

The development of women's issue in the socialist Bulgaria is under review in the article. The official discourse and biographic stories analysis composes the comparison in two dimensions: women as the objects of social construction, and as the subjects apprehending or opposing the generating influence.

Kurilo I., Aksenova S. The specifics of the socio-economic structure of employed women in Ukraine.

The article is devoted to the research into the gender peculiarities of the Ukrainian employed population socio-economic structure, with a special emphasis on the distribution of women on status and class, education and professional, financial and profitable basis.

Koljaskina E. A. Birth-giving in the traditional views of the Russian population in Altai.

The author reconstructs on the base of ethnographic materials the conceptions of Russian peasants in Altai of the last half of 19th — the beginning of 20th centuries about the issue of child-bearing. The researcher comes to the conclusion about the diverse perception of child-bearing and its dependence upon the ethnographic belonging and the material welfare of the person.

Pushkareva N. L. Gender neutrality or indifference? (Towards the results of the teaching aids on history of the period 1900—2000 examination).

The author submits the Russian school- and university history textbooks of the last 15 years examination results and gives convincing evidences that woman and woman's history remain "invisible" in the Russian study of "the past".

Авторы номера

ЛУЛЕВА
Ана Георгиева

старший научный сотрудник II степени
(Институт этнологии и Национальный
этнографический музей, БАН, София)

КУРИЛО
Ирина Алексеевна

зав. отделом проблем качества демографических
процессов Института демографии
и социальных исследований НАН Украины,
доктор экономических наук

АКСЕНОВА
Светлана Юрьевна

старший научный сотрудник отдела проблем
качества демографических процессов Института
демографии и социальных исследований
НАН Украины, кандидат экономических наук

КОЛЯСКИНА
Елена Александровна

аспирантка Бийского педагогического
государственного университета
им. В. М. Шукшина

ПУШКАРЕВА
Наталья Львовна

доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
постоянный представитель РФ во Всемирной
федерации исследователей истории женщин

С о д е р ж а н и е

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Лулева А. Конструирование гендера в болгарском социалистическом проекте: женский вопрос	3
--	---

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Курило И., Аксенова С. Особенности социально-экономического состава занятых женщин в Украине	25
Коляскина Е. А. Деторождение в традиционных представлениях русского населения Алтая	35

ГЕНДЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Пушкарева Н. Л. Гендерная нейтральность или равнодушие? (К итогам экспертизы учебной литературы по истории 1990—2000-х гг.)	48
<i>Аннотации</i>	72
<i>Авторы номера</i>	74

Contents

WOMEN'S MOVEMENT IN RUSSIA AND ABROAD

Luleva A. Constructing gender in the Bulgarian socialist project: the women's issue	3
---	---

WOMAN'S SOCIAL STATUS: HISTORY AND MODERN CONCEPTS

Kurilo I., Aksenova S. The specifics of the socio-economic structure of employed women in Ukraine	25
Koljaskina E. A. Birth-giving in the traditional views of the Russian population in Altai	35

GENDER PEDAGOGICS: MODERN APPROACHES

Pushkareva N. L. Gender neutrality or indifference? (Towards the results of the teaching aids on history of the period 1900—2000 examination)	48
<i>Summary</i>	72
<i>Authors of the number</i>	74

Уважаемые коллеги!

Журнал **«Женщина в российском обществе»** издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что Вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть Вас среди авторов журнала. Мы поместим Вашу научную статью, рецензию на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Принимаются публикации от ученых всех регионов России, докторантов, аспирантов и наиболее талантливых студентов (при наличии отзыва научного руководителя). Объем научных статей — 0,5—1 п. л., рецензий — до 0,3 п. л. Все материалы публикуются бесплатно.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: oaх@ivanovo.ac.ru, anysmir@yandex.ru.

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

*доктор исторических наук, профессор **О. А. Хасбулатова***